

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ “АНТИПАССИВНЫХ” КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКАХ АККУЗАТИВНОГО СТРОЯ

© 2014 г. М. В. Зеликов

Конструкции, которые определяются как “антипассивные” в русском языке, как показывает структурно-семантический анализ их залоговых (субъектно-объектных) отношений, представляют активные, личные, компрессивные модели рематизации субъектного составляющего высказывания, отражающие один из многочисленных феноменов закона языковой экономии. В испанском они представлены личными, медиально-каузальными образованиями. Что касается эргативных языков, то само понятие “антипассив”, в связи с их залоговой “нейтральностью”, эксплицируемой отсутствием противопоставления “актив-пассив”, отмечаемого для языков номинативно-аккузативной системы, по существу является анахроническим и необязательным.

As a structural-semantic analysis based on the subject-object relations shows, the constructions defined in Russian as “antipassive”, represent agentive, active, compressive models oriented to the rematization of the subject component of the utterance and presenting one of the numerous instances of the ‘least effort’ rule. In Spanish, they are represented as a kind of personal medial-causal formations. As for the ergative languages, where the opposition active/passive, which characterizes the highly developed voice system of nominative languages, is yet absent, the concept of “antipassive” is, in fact, anachronical and optional.

Ключевые слова: субъектно-объектные отношения, актив, медий, пассив, антипассив, эргатив, эллипсис, семантическая компрессия.

Key words: subject-object relations, active, medium, passive, “antipassive”, ergative, ellipsis, semantic compression.

Изучение взаимоотношения между *функцией* и *формой* лежащего в основе функционально-типологического направления, в рамках которого преимущественно осуществляется рассмотрение феномена “антипассивизации”, должно быть дополнено вниманием к семантическому фактору, играющему определяющую роль в континентно-типологических исследованиях. Важнейшим при этом становится “выявление субъектно-объектного критерия” [1, с. 15]. Опора на субъектно-(предикатно)-объектные отношения как на определяющий ориентир позволяет с большей точностью подойти к выявлению семантического статуса образований, которые в современной типологии квалифицируются как “антипассивные”. Так, каузально-медиальные, дативные и несогласованные конструкции с объектными глаголами в испанском, квалифицированные в рамках функционально-типологического направления как “возвратные (рефлексивные) антипассивы” семантически выражают субъектно-объектные отношения, прагматически маркированные рематизацией субъектной функции. Что касается русских “антипассивных возвратных” конструкций “опущенного объекта”, то субъектно-объектная

семантика их выражена компрессивно: оказывающийся прагматически иррелевантным объектный компонент поглощается. Использование при этом в обоих случаях маркера *se* (= русск. -ся), интенсифицирующего функцию субъектного участия в субъектно-объектном процессе, обусловлено фактором аналогии: будучи морфологическими формантами медия (субъектива), эти показатели изначально означали процесс, который развивается исключительно в самом субъекте. Собственно “возвратность” исп. *se* и русск. -ся в рассматриваемых “антипассивных” конструкциях семантически, разумеется, не отображают. Определяющую роль при выявлении залогового статуса играет игнорируемая в работах генеративного и функционально-типологического направления конкретная семантика глагольно-предикативного ядра предложения-высказывания.

Вышесказанное предопределяет композицию нашей статьи, состоящей из четырех разделов. Содержание двух первых разделов составляет анализ свойств “антипассивных” и, в частности, “возвратных (рефлексивных) антипассивных” образований в аккумулятивных (испанском и русском)

языках. В разделе 3 исследуется роль маркера *-se* (исп. *se*) как интенсификатора субъектного участия в субъектно-объектных структурах, особенности компрессивного формирования которых, в свою очередь, рассматриваются в разделе 4.

1. Осмысление свойств “антипассивной конструкции” в рамках семантического критерия субъектно-объектных отношений

Одна из первых попыток внедрения в аппарат типологических исследований языков аккумулятивного строя термина “антипассив” была осуществлена в процессе рассмотрения надзалоговой суперкатегории каузативности. Так, анализируя романские (французские) предложения, традиционно относящиеся в “отсталой Европе” [2, с. 62] к *каузативным*, П.М. Постал определил их как “антипассивные” [3]. Позднее, и также в рамках исследований генеративного и функционально-типологического направления, этот термин стал использоваться при рассмотрении испанских структур с местоименными глаголами [4–9].

Разделяя точку зрения о том, что “большое количество глаголов, рассматриваемых в грамматиках как чистые местоименные или внутренне рефлексивные, могут использоваться как переходные не рефлексивные и как непереходные рефлексивные в особой антипассивной конструкции”, К. Санчес Лопес относит к антипассивам (инэргативам) “среди прочих” такие испанские глаголы, как *olvidar(se)* “забывать”, *burlar(se)* “насмехаться”, *acordar(se)* “вспоминать”, *compadecer(se)* “сочувствовать”, *confesar(se)* “сознавать(ся)”, *aprovechar(se)* “воспользоваться”, *resolver(se)* “решить(ся)”, *empeñar(se)* “усердствовать” [10, р. 31]. Возражая против высказываемого в некоторых работах мнения о том, что *se* здесь указывает на “обязательную возвратность, не отражающую залоговых отношений (ср. порт. *A Joana esqueceu-se da chave*)” [11, с. 28], отметим, что глаголы *burlarse*, *compadecerse*, *olvidarse* и *acordarse* противостоят остальным как выражающие эмоциональную (первые два) или психическую (вторые два) реакции субъекта на протекание процесса. Анализируя статус этих рефлексивных “антипассивов” (“инэргативов”) К. Санчес отмечает, что «конечно, присутствие рефлексива превращает их в непереходные, препятствуя легитимации их внутреннего аргумента в аккумулятив; для того, чтобы это обращение произошло, требуется появления предлога (ср. *compadecerse de*).

Тем не менее, это формальное изменение (в отличие от того, что имеет место в пассивных и медиальных конструкциях) не сопровождается потерей аргумента, ср.: *El Jorge se comadece de sus amigos* (“Хорхе сочувствует своим друзьям”) ≠ *El pan se*

come (por el padre) “Хлеб естся (отцом)” и *La gora se secó* (por el viento) (“Одежда высохла (от ветра)”)¹. Такие процессы частотны в языках эргативного строя» [10, р. 100]. Говоря о феноменологии этих языков, следует обязательно учитывать положение о принципиальной невозможности «пассивного (также “квазипассивного” или “псевдопассивного”) осмысления “нейтральных в залоговом отношении”» [13, с. 55] эргативных моделей, доказанное в языкознании второй половины XX века [14, с. 106–108; 15, с. 69; 16, с. 287–288]².

Ситуации, связанные с эргативизацией (каузированием), в отличие от ситуаций, эксплицируемых субъектно-объектными отношениями номинативно-аккумулятивных языков, предполагают любые “непрямые (эргативные, дативные, генитивные, субъективные) процессы” [21, с. 59], включающие пассивную трансформацию (“прямой процесс”) как *sine qua non*, что уже само по себе делает понятие “антипассив” излишним и бесполезным. Таким образом “антипассивными” в связи с преимущественным отсутствием пассивных конструкций английского или немецкого типа [22, с. 401] могли бы быть названы вообще языки эргативного строя. Что касается номинативно-аккумулятивных языков, когда подлежащее в них, не

¹ О каузативной природе “медиальных” образований этого типа см. [12].

² О безусловном первенстве исследователей традиционного языкознания в “показе несостоятельности концепции пассивности эргативной конструкции” [13, с. 55] (А. Тромбетти, Р. Лафона, А.А. Бокарева, С.Л. Быховской, Л.И. Жиркова, М.М. Гухман и др.) выявляющие феномен “антипассива” представители генеративного направления не упоминают. Так, например, по мнению одного из борцов с “отсталостью европейской лингвистики” [2, с. 62], Дж. Хита, “пассив в баскском имеется так же как и антипассив” [17]. О литературе, содержащей серьезные критические возражения по поводу этого утверждения, см. в [14, с. 107]. В свою очередь отметим, что баскские образования, квалифицируемые как “пассивные”, в действительности никакого отношения к этому залогу не имеют. Так, определение Ю.В. Зыцаря аналитической модели с *izan* “быть” в *безличном* предложении *Emendik erri osoa ikusten da*, “отсюда видно все селение”, букв. “отсюда селение все в видении есть”, как конструкции “эргативного пассива”, было резко критиковано Л. Мичеленой [18, р. 149]. Один из последователей Хита, ищущий “пассивный и антипассивный тип” в разговорном варианте сулетинского диалекта баскского, Ж.Б. Койос в качестве пассивных соответствий в испанском приводит такие формы, как *Pedro es muy leído* и *Estoy bien comido* [19, р. 309], полностью игнорируя тот факт, что первое предложение является атрибутивным (“Педро очень начитан”), а второе – стативным (“Я хорошо поел”, букв. “Я есть хорошо наесть”). Обе причастные формы при этом являются не объектными (как в примерах действительно пассивных предложений, ср.: *El libro es leído* “Книга прочитана” и *El pan es comido* “Хлеб съеден”), а субъектными (см. ниже). Подробнее о статусе этих образований см. в [20, с. 40].

соответствуя ни агенту, ни пациенсу, является нейтральным носителем признака, то применительно к ним следует говорить не о противопоставлении “актив/пассив”, а об “активности / инактивности” и, в частности, о “непассивной инактивности”, противопоставленной “пассивной инактивности” [23, с. 21–22; 24, с. 55, 58].

Для обозначения “непассивной инактивности” был предложен термин “инертив” (лат. *iners-ertis* “бездеятельный”) [25, с. 19]. Инертивность (“бездеятельность”) предполагает агентивное воздействие, исходящее от одушевленного / неодушевленного агенса извне, и при этом о “пассивной инактивности”, т.е. о пассивизации как инверсии внутренних субъектно-объектных отношений, не может быть и речи. Таким образом, процесс, выражаемый в предложениях типа *Pedro se enfada a sus amigos* “Петр сердится на своих друзей”, является не самопроизвольным, а причинным (кто-то рассердил, каузировал “сердитое” состояние Петра) и трактовка его как “антипассивного” представляется неадекватной, а главное, совершенно необязательной. Значение следственного ретроспективного происхождения, как утверждается, сообщается дополнению “антипассивных” конструкций предложениями. Это позволяет интерпретировать предметное дополнение как точку референции, из которой агенс реализует то, что выражено в глаголе [9, р. 47]. Как отмечает К. Санчес, “тематическая роль объекта, на которого производится воздействие (*objeto afectado*) падает на *субъект* (подлежащее), что, возможно, происходит, благодаря его коррелации с клиником (*se*), который поглощает этот аргумент” [10, р. 34]. При этом, как замечает исследовательница, “внешний аргумент не исчезает”. И если в местоименных пассивных (“антикаузативных”) конструкциях он продвигается в позицию субъекта (подлежащего), то в “антипассивных” он деградирует, приобретая низшую синтаксическую функцию косвенного дополнения [10, р. 31], ср.: *El juez compadeció al reo / El juez se compadeció del reo* (“Судья посочувствовал преступнику”). Пассивная (лучше, псевдопассивная) трансформация в этом случае исключается. В этом, собственно, грамматисты видят ключ к объяснению феномена “антипассивности” романских местоименных конструкций: их объекты в отличие от объектов переходных моделей с глаголами в местоименной форме, характеризующиеся полной независимостью от субъекта, *всегда от субъекта зависят* (здесь и далее – курсив наш. – М.З.). То же имеет место в эргативных языках, в которых рокировка аргументов, в связи с невозможностью пассивизации и, следовательно, “антипассивиза-

ции”, исключается. Тем не менее, как показывает анализ работ, содержащих экспликацию семантической сущности глаголов, участвующих в создании “антипассивности ситуации”, здесь прежде всего следует констатировать, что характер этих глаголов, субъекты которых не отвечают за осуществление процесса, является не активным, а *инертивным*.

Таким образом, “антипассивной” по сути оказывается ситуация обязательной импликации каузативного (каузального) воздействия на рамочный субъект-подлежащее, характерный и для языков эргативного строя, а в неэргативных непротиворечиво объясняющаяся как ситуация залоговых *каузально-медиальных* отношений [12, с. 35]. То, что попадает под дефиницию “антипассивное”, логически и стабильно связано с общей феноменологией каузативности-каузальности и сама попытка нивелировать значение этой надзалоговой суперкатегории в генеративной лингвистике ничего по сути своей не изменила: каузативные конструкции во французском, названные Посталом “антипассивными”, ни структурно, ни семантически своего каузативного статуса не меняют.

В очередной раз следует отметить, что речь идет о новых дефинициях для старых и вполне устоявшихся в традиционном языкознании понятий, о “терминологических новшествах”, сводящихся лишь к “бесполезным переодеваниям (*vanos disfrases*)” [26, р. 200] давно существующих терминов. К медиально-каузальным романским образованиям, которые многие современные исследователи относят к “антипассивным”, это относится в полной мере. Так, К. Санчес Лопес, отмечая “важное отличие” субъектов активной и антипассивной конструкций, пишет о том, что “экспериментер последних ... оказывается под *воздействием* (т.е. каузированным. – М. З.) осуществляемого процесса, в отличие от субъекта в активной конструкции” [10, р. 33]. При этом для автора “неудивительно”, что многие “антипассивные” глаголы образуют причастия агентивного характера (ср. *confeso* ← *confesar(se)* “сознавшийся”, “обращенный (еврей)” или имеют двойную агентивно-пассивную интерпретацию (*arriesgado* ← *arriesgar(se)* “смелый (человек)”, т.е. “кто-то”, “опасный (поступок)”, т.е. “что-то”). То же самое можно сказать о *acostumbrado* “привыкший” и “привычный” (← *acostumbrar(se)*), *resuelto* “решительный” и “решенный” (← *resolver(se)*), *compadecido* “сострадающий” и “согласованный” (← *compadecer(se)*), *empeñado* “упрямый” и “заложенный” (← *empeñar(se)*), *aprovechado* “ловкий, оборотистый” и “использованный” (← *aprovechar(se)*) [10, р. 38].

Комментируя это наблюдение, отметим следующее.

(1) Возможность образования адъективных причастий, имеющих двойную (субъектно-объектную) интерпретацию, антипассивными (т.е. медиально-каузальными) глаголами не ограничивается, а распространяется на единицы, относящиеся к самым различным глагольным группам. Ср. *hablado* “говорливый” и “проговоренный” (← *hablar* “говорить”), но располагающие только объектным значением *dicho* “сказанный” (← *decir* “сказать”) и *dejado* “оставленный” и “(умственно) отсталый” (← *dejar* “оставлять”) см. [27, p. 106]), а также *abandonado* “опустившийся” и “покинутый” (← *abandonar* “покидать”), *leído* “начитанный” и “прочитанный” (ср.: *leído y escrito* “кладезь мудрости”), *sabido* “ученый” и “узнанный” (← *saber* “знать”), *(mal)pensado* “(плохо) думающий о ком-либо” и “(плохо) продуманный”, (← *pensar* “думать”), *comido* “сытый”, букв. “нае-тый”, и “съеденный” (← *comer* “есть”)³, *agradecido* “благодарный” и “отблагодаренный” (← *agradecer* “благодарить”), *pagado* “довольный” и “оплаченный” (← *pagar* “платить”), *cumplido* “довольный” и “выполненный” (← *cumplir* “выполнять”) и др. см. [15, с. 209–211].

(2) Термины “агентивный” и “пассивный” для обозначения двух интерпретаций причастно-адъективных производных глагольных единиц, рассматриваемых Санчес Лопес, не являются адекватными, так как они не предполагают строгой оппозиции “агентивность” – “пассивность”. В этом случае наиболее оптимальным могло бы быть утверждение о противопоставлении *субъектного* и *объектного* значений. Ср. возможность образования субстантивных дериватов от *hablar* – *hablado* “говорун”, *saber* – *sabido* “ученый”, что не обязательно предполагает агентивность, и от *aprovechar(se)* – *aprovechado* “бабник”, которым соответствуют также объектные (псевдопассивные) значения “проговоренный”, “узнанный” и “использованный”.

³ Ср. у И.А. Бунина: “собака съедобная”, т.е. “собака, которая ест всё, всеядная”. Часто непонимание разницы в значениях тех или иных адъективных причастий, обусловленное возможностью их двойной субъектной или объектной интерпретации, приводит к существенным переводческим искажениям. Так, в португальском переводе исп. *corrído* “протекший, пробежавший и др.” (от субъектн. *correr* “бежать, течь, нестись” и т.д.) и “бывалый и др.” (от объектн. *correr* “заставлять бежать кого-л.”; здесь по аналогии с *toro corrído* букв. “опытный бык”) некорректно избирается первое (субъектное) значение: ...*homem muito viajado* (Colmeia) “человек, много поездивший по свету”. Корректное соответствие объектного исп. *hombre muy corrído* (Colmeia) присутствует в итальянской версии, ср.: *uomo navigato* (Alveare).

Аналогичное размежевание дефиниций *субъектный* и *объектный* охватывает пары местоименных и не местоименных глаголов, которые Санчес Лопес противопоставляет как “антипассивные” и “агентивные”: *acordarse* “вспоминать” = *recordar* (объект отсутствует) и *acordar* “приходить к соглашению” = *llegar a un acuerdo* (объект присутствует). То же справедливо для *fiarse* “доверяться, верить кому-либо” = *tener confianza en algo o en alguien* и *fiar* “одалживать деньги” = *prestar dinero*, *entenderse* “приходить к пониманию чего-либо” = *llegar a un entendimiento* и *entender* “понимать кого-либо” = *comprender* и др. [28, p. 31]. *Субъектная* природа первых (“антипассивных”) и *объектная* природа вторых (“агентивных”) компонентов, по-видимому, осознается и самой испанской исследовательницей: “В активной конструкции ... концептуализируется ... объект, на который падает активность; в антипассивной, наоборот, указывается на *источник* (субъектный. – М.З.) и происхождение” [28, p. 34–35], как на центр процесса, развивающегося в самом субъекте, но каузируемого извне, т.е. этот подразумеваемый процесс является в итоге медиально-каузальным.

Действительно, антипассивными, и даже естественно антипассивными (структурно и семантически), могли бы быть признаны глаголы-предикаты, являющиеся компонентами бессубъектных конструкций. Речь идет о таких глаголах, которые располагают способностью формулировать ядро безличных конструкций, в которых имеет место импликация каузации, исходящей от зарамочного субъекта (каузатора). Не содержащие агентивное подлежащее, они *естественно* никакой пассивизации (даже структурной) не предполагают. И, таким образом, естественно *противоречат пассиву*, в отличие от легко пассивизирующихся глаголов-предикатов, обязательно располагающих двумя (субъектным и объектным) актантами. Природу безличных образований, как структурных аналогов эргативных конструкций (все актанты имеют формы косвенных падежей), действительно, можно охарактеризовать и как “*противопассивную*” и как “*допассивную*”, а заодно и как “*антипассивную*” (т.е. как противоактивную или противостоящую активу). Ср. безличные (т.е. не активные и не пассивные) модели типа *видимо (было)*, *видно*, *слышно*, *можно* (то же – в испанском: *se ve*, *se oye*, *se puede*, но не **es visto*, **es oído*, **es podido*), а также не имеющие аналогичных структурных безличных параллелей в романских языках образования типа *свезло мне* (ср. в исп. личное *La suerte que he tenido*), или *ногу (судорогой)* *свело* (в испанском – только дативная модель *Me*

ha dado calambre); *мне ногу* больно (также, только дативное: *Me duele la pierna*) и т.д. Здесь же аналогичные образования с когнитивными глаголами. Ср.: *известно* = исп. *se sabe / es sabido* и другие глагольные единицы, не предполагающие вопроса “Что делает X?”, как это, например, имеет место при импликации каузативных отношений, исключающих намеренность или агентивность субъекта (подлежащего), ср.: *Петр проснулся*. Тем не менее, отказываться от укоренившегося традиционного термина “безличность” в пользу нового “антипассивность” при их квалификации, наверное, совершенно необязательно. Ничего принципиально нового для анализа динамики S–(Pr)–O–отношений в высказывании или в предложении это не привносит.

В статье, посвященной антипассивной деривации, С.С. Сай постулирует положение о “естественных антипассивах” (абсолютивах) [29, с. 88]. “Характерные свойства”, которыми автор наделяет эти формы (“агентивность, способ деятельности и информация о целях субъекта”) действительно являются исключительно *активными* и отмечены для глаголов, обычно классифицируемых как “переходные”, которые, тем не менее, опираясь на критерий зависимости обычного актанта от предиката, можно разделить на две группы. Так, зависимость актанта от глагольных единиц *есть, петь, подметать, писать, глотать, пить, рисовать* (всегда “что-то”) выше, чем от *кусать, найти / искать* (“что-то” или “кого-то”)⁴. Ср., например, возможность не появления объектного актанта в высказываниях типа *Художник ищет* (вообще) ≠ *Художник ищет потерянную палитру* или *Эта собака кусается* (вообще) ≠ *Собака кусает мальчика*. Кроме того, все эти “естественные антипассивы” легко пассивизируются, но степень их пассивизации (“страдания”) при этом также оказывается не одинаковой. Так, для глаголов первой группы она ниже, чем для глаголов второй. Ср. практически тавтологические образования (предикат-предикандум) *Еда была съедена*, *Песня была спета*, отличающиеся от *Мальчик был укушен собакой*, которая выражает полную автономность субъектного (*собака*) и объектного (*мальчик*) актанта, тавтологию исключающих.

По аналогии с термином “антипассив” (как невозможностью образования пассива в языках эргативного и активного строя), для обозначения

всех пассивных образований в номинативно-аккузативных языках, где пассивизации могут подвергаться не только субъектно-объектные глаголы типа *есть, глотать, ударять* и др., но и субъектные глаголы типа *говорить* (ср. англ. *She was told*, букв. “Она была сказана”), *сидеть* (англ. *This dress cannot be sat down in...*, букв. “Это платье не может быть сидимо...”) и мн. другие, мог бы быть использован термин “антиактив”.

Пассив является формой, образовавшейся после формирования актива как хронологически (пассив появился в результате модификации медиа⁵), так и логически (пассив представляет собой трансформацию различных исходных активных конструкций)⁶. Действительно, хронологически “пассив – всегда производный залог (опять-таки по определению, каково бы ни было его морфологическое строение, синтаксическое поведение

⁵ Являясь более поздним по времени образованием, чем актив и медий, пассив представлен даже не во всех языках номинативно-аккузативного строя, выражающих любые S–O-модификации. Вторичность пассивных образований, являющихся более поздней трансформацией активных (личных) и безличных конструкций в индоевропейских языках, несомненна (см., например [30, с. 71], см. также [31, с. 123]). Так, например, Ю.С. Степанов отмечает смену активного предложения типа лат. *Vitam vivitur* “Проживают (свою) жизнь” на “чисто пассивный оборот” *Vita vivitur*, реализуется очень поздно [32, с. 62]. Кроме того, о глубинно активном характере пассивных структур свидетельствует и легкая возможность их “активизации”, приводящей к появлению различных моделей типа русск. *У волков тут идено* и *Эту башню видно издадека* [33, с. 32].

⁶ Греч. *анти* (“против”) используется исследователями, создавшими термин “антипассив”, для того чтобы обозначать залог, не имеющий никакого отношения к пассиву. По сути, он является синонимом противостоящего пассиву *актива*. С другой стороны, этимологическая связь пространственного предлога *анти* с временным *анте* (греч. “до”) предполагает импликацию формы, предшествовавшей образованию пассива. Это чревато констатацией анахронизма: допущение теоретической возможности существования антипассива в языках любого строя невозможно: пассивизация (как и ее искусственно конструируемый *антипод*) возможна только в языках, способных выражать полное развитие субъектного и объектного актанта предложения-высказывания. Именно как допассивная (т.е. предшествовавшая формированию классической оппозиции актив / пассив) трактуется “антипассивная” конструкция традиционным компаративистом У.Р. Шмалытигом: имя объекта в ней стоит не в аккумуляте (как в активной конструкции), а еще в дативе [34, с. 25], указывая на ситуацию “непрямого процесса”. Таким же противоречивым и анахроническим является термин “антикаузальность”, встречающийся в блестящих мифологических работах О.М. Фрейденберг (первая половина XX века), для обозначения феномена редупликации, используемой еще до появления каузальности [35, с. 137]: речь идет о начальном докаузальном периоде первобытного синкретизма в мифотворчестве, существование, собственно, пространственной оппозиции (“каузальный / антикаузальный”) исключающего.

⁴ Вопрос, таким образом, если это действительно принципиально, можно было бы ставить об образовании “антипассивных конструкций” (уровень синтаксиса), а не о феномене “антипассивных глаголов” (уровень морфологии), которые непротиворечиво классифицируются как единицы, отражающие различные конфигурации S–O-отношений (см. ниже).

и семантическое содержание). При подобном определении пассива термин антипассив не может иметь смысла и употребляться не должен” [21, с. 64]. Кроме того, “отсутствие” настоящего параллелизма между “пассивом” и “антипассивом” уже отмечалось в литературе. Так, эволюция антипассивной конструкции в индоевропейских языках, по мнению У.Р. Шмалыштага приведшая к образованию активной (1. Переосмысление абсолютива в номинатив; 2. Появление класса переходных глаголов из непереходных; 3. Переосмысление датива-локатива в аккузатив), от феномена формирования производной от эргативной, собственно пассивной конструкции, *отделяется* [34, с. 30]. Речь идет о двух непересекающихся линиях развития. При этом пространственное противопоставление маркирующей еще не прямой процесс “антипассивной” конструкции производной конструкции пассива исключается. В фокусе внимания исследователя, таким образом, оказывается конструкция, указывающая на одно из явлений именно *антепассивного* (допассивного) периода существования предложения (см. также сноску 6). “Антипассив” ни в коем случае не является операцией, обратной или противоположной пассиву, что подсказывается самой формой термина, способного в итоге создавать путаницу. Из статьи Дж. Хита [17], содержащей *типологический* обзор явлений, которые принято называть “антипассивными”, хорошо видно, насколько в действительности разнородны эти “антипассивы” [21, с. 83]. Также отмечается, что “антипассив как продуктивный процесс ... оказывается весьма нестабильным в своем чистом виде, представляя собой явление скорее лексического, чем грамматического плана” [29, с. 89]⁷. Противопоставление *пассив – антипассив* является таким же неоправданно широким, как и оппозиции *рефлексив – нерефлексив*, *каузатив – декаузатив*, но в отличие от последней, еще и логически совершенно не оправданной.

2. О семантическом наполнении “возвратных” конструкций

Несмотря на “нестабильность” и факультативность явлений, с которыми связывается понятие антипассивных конструкций, выявляемых в

языках аккузативного строя, интерес к “новому слову для выражения старых понятий” [36, с. 27] не ослабевает. Так, в русском языке на роль “антипассивной” выдвигается активизировавшаяся в современном языке *возвратная* конструкция с “*опущенным объектом*”, характеризующаяся тем, что “за кадром” оказывается непосредственный участник, который мог бы занять позицию прямого дополнения в конструкции с соотносимым (исходным) невозвратным переходным глаголом [37, с. 75]. О преимуществах “теоретического аппарата, связанного с выделением антипассивных конструкций” при исследовании синтаксических явлений, которые “описывались в рамках совершенно иных понятийных систем” [38, с. 3], автор, опирающийся на материал 153 языков из 33 семей (!), ничего при этом не сообщает.

Использование маркера “возвратного постфикса” *-ся* (= *si, se* в романских языках) в рефлексивной функции определяет лишь одну возможность экономного выражения самых разнообразных залоговых (субъектно-объектных) отношений в современных русском и романских языках. Но сводить все его значения только к “возвратным” и “взаимным”, игнорируя при этом определяющую роль *семантики* глагольно-предикативного ядра индоевропейского предложения высказывания (как, напр., в [39]), или к “возвратным и пассивным” (как, напр., в [39, с. 476; 40; 41, с. 15; 42, с. 30]), безусловно, не следует. Ср., например, отнесение к группе возвратных глаголов *приниматься* (всегда за что-то), обозначающего начальную фазу объектного процесса, экзистенциально-локативного *водиться* (“В озере водится (= есть, имеется) рыба”), также выражающего объектное отношение (водить / вести кого (что)-либо) и безличного виднеться (“Виднеется лес” = “Можно видеть лес”) в [43, с. 286–288]. Таким же некорректным является отнесение к “возвратным” испанских глаголов *irse* “уезжать” и *olvidarse* “забывать” [42, с. 30]. В первом *se* указывает на аспектуальность субъектного процесса (см. также ниже), а во втором – на каузально-медialные отношения, о которых уже говорилось выше. Как отметил И.А. Перельмутер, “формальные критерии” в этом случае “не могут служить для проведения разграничений в сфере залога ... и решающая роль должна здесь принадлежать семантическому анализу” [25, с. 10]⁸. Так, исследуя

⁷ Как представляется, уместным при постулировании “антипассива” могло бы оказаться и мнение Г.А. Климова, который, критически оценивая значимость таких структурных типов, как “антиэргатив” и “антиаккузатив”, подчеркивал, что они “могут быть проиллюстрированы только ограниченными фрагментами языкового строя, а не целостными языковыми системами” [1, с. 131].

⁸ Одной из первых попыток опоры на семантический критерий является выделение А.А. Потебней залоговых форм на *-ся*, «требующих ближайшего объекта в ... родительном (типа *бояться, надеяться* и пр.), которые Востоков просто относил к “общему” или “возвратному” залогу» [44, с. 207–214].

выражение субъектно-объектных отношений с помощью суффикса *-ся*, Г.А. Гнездилова, помимо “традиционных возвратных, страдательных и взаимных” конструкций, указывает и на “новые” – “квазивозвратные” (“неопределенные”) и “медиаьные”, которые, по мнению автора, существовали только в старорусском языке (“...умре Ольга и плакася по ней сын”) [45, с. 15]. Тем не менее, безусловно как медиаьные следует классифицировать и класс современных глаголов, выражающих психическое состояние субъекта типа *плакаться* (к.-л. в жилетку), *смеяться*, *огорчаться*, *тревожиться* и др. (см. ниже), которые также обычно попадают под определение “возвратные”.

В испанистике Х.П. Отеро относит к собственно возвратным (*reflexivo intrínseco*) только один из шести типов предложений с *se* [26, p. 199]. Компрессивность *se* в испанском является самой высокой среди романских языков. Опираясь на структурно-семантический анализ, осуществленный в рамках контенсивной типологии, позволяющий говорить о различных моделях S–O-отношений, а также на критерий наличия / отсутствия контроля, в испанском можно выделить около 30 моделей личных, неопределенно-личных, безличных и каузативных предложений. Что касается видовых моделей, о которых, оперируя материалом русского языка, говорили, отделяя их от залоговых, А.А. Шахматов и В.В. Виноградов, то они выделяются в группе личных предложений (см. [46; 12, с. 34]).

Приведем некоторые модели, указывающие на различные конфигурации S–O-отношений, формирующихся в предложениях с глаголом-предикатом с маркером *-ся* в русском языке⁹. Помимо собственно рефлексивных глаголов типа *нахмуриться*, *смеяться* и реципрокных *обниматься*, *любить* (напр., укр. “З кім вірно люблюся, не наговорюся” [44, с. 212]), ср. также субъектные формы, входящие в состав *личных* предложений: *приходиться* (“Раз на раз не приходится”; “Именины приходятся на понедельник”; “Кем

он тебе приходится?” – выражение бытийности: “Кто он тебе есть/будет?”), *значиться* (“Значится так” = “Это означает, что...”), *спориться* (“Дело спорится” = “Дело прет”, т.е. “идет хорошо”).

Субъектные и субъектно-объектные отношения в личных предложениях также отражаются в *накрываться*: “Он накрылся одеялом”; “Наш план накрылся” (= “провалился” как следствие неудачной акции или каузированного воздействия, выраженных имплицитно), “На поляне накрывается обед” (= “Кто-то накрывает обед”); *бриться*: “Он бреется безопасной бритвой” (= “Он бреет себя”) и “Он бреется в парикмахерской” (каузативное отношение = “Его бреют”); *бросаться* (“В глаза бросилась яркая игра рябиновки в бутылках с зернистой гранью” (Пастернак) – акцентуация на внимании имплицитного субъекта; и “Она сегодня на всех бросается” – акцентуация внимания на действии эксплицитного субъекта); *рваться* (“Она рвется к тебе в гости” = “Очень хочет посетить тебя” и “Где тонко – там и рвется” – скрытая каузация); *решиться* (“Я решилась” и “Дело решилось”). Только субъектно-объектные отношения передают *обтrogаться* (“Обтrogаться кругом” (Пастернак), т.е. “все кругом потрогать”), *застегнуться* (“застегнуть” пуговицы – отчуждаемая принадлежность), *потратиться* (“потратить (свои) деньги” – то же), *печататься* (“Он хорошо печатается”, т.е. “Его хорошо печатают”), *молиться* (о чем-то или на кого-либо – косвенная переходность: “Мне нужно на кого-нибудь молиться”), *проситься* (у кого-либо, чтобы разрешили сделать что-либо: “Проситься на прогулку / на горшок”) и пр. В рамках *безличных* предложений показательны *оказаться* (“И вот оказалось...” – Пастернак), *виднеться* (“Из зала через растворенные ... боковые двери виднелся длинный как зимняя дорога, накрытый стол в столовой” (Пастернак) = “можно было видеть”), *(по)нравиться* (“Она мне нравится / понравилась”), *(при)глянуться* (Она ему (при)глянулась), *верится*; *плачется*: “И верится и плачется...”; *работается*: “Мне хорошо работается”. Глаголы типа *беспокоиться* могут использоваться как в *личных* или *медиаьных* (“Он беспокоится”), так и в *неопределенно-личных* предложениях (“О вас беспокоятся”). А предложения с *продается* и *покупается* могут быть интерпретированы и как *неопределенно-личные* (“Эта книга хорошо читается / продается / покупается” = “Эту книгу хорошо читают / продают / покупают”), и как *безличные* (“Эту книгу можно читать / продать / купить”).

Как *неопределенно-личный* или *безличный* может быть интерпретирован реципрок *встретиться*: “Они встретились у колодца”, но “В этой книге

⁹ Отношение S–(Pr)–O остается важным для экспликации категории залога. Так, осуществляя фундаментальную классификацию (глагольных) предикатов, Ю.Д. Апресян пишет о том, что это отношение “нацелено на выявление закономерных связей между семантическим классом глагола и всеми прочими свойствами входящих в него лексем” (подчеркнуто нами. – М.З.) [47, с. 82]. Так, предложения с субъектным глаголом *выходить* “Дети выходят в сад” (*действие-перемещение*) и “Окна выходят в сад” (*положение в пространстве*) [47, с. 81] выражают S–(Pr)–O-отношение с одушевленным и неодушевленным субъектом, а “Крапива жжется” [47, с. 81] – S–(Pr)–O-отношение, указывающее на импликацию воздействия неодушевленного субъекта на одушевленный объект.

встречается много интересного” = (1) ... встречают много интересного и (2) “...можно встретить много интересного”; ср. также безличное: “Ты мне встретила”. Что касается такой формы, как *уладиться*, то, помимо неопределенно-личного, она предполагает и личное (*пассивное*) прочтение: “Дело уладилось” = (1) “Дело уладили” и (2) “Дело было улажено”. Форма *сложиться*, *складываться* предполагает личное – медиальное (“В полете он сумел сложиться”; “Как учена она вполне сложилась” – в переносном значении: “стала”, “сформировалась”), неопределенно-личное (“Сложились легенды” = “Сложили легенды”), а также два безличных употребления (“У них не сложилось” и “Этот стул легко складывается”). Ср. также *биться* (“Сердце бьется” – личное медиальное, “Бойцы бьются” – личное реципрокное, “Посуда бьется (кем-то)”, но “Бьют посуду” – неопределенно-личное и “Посуду можно разбить” – безличное).

В форме *взяться* маркер *-ся*, помимо обозначения активного процесса в предложениях с косвенным неодушевленным (ср.: “взяться за руки” (реципрок), “взяться за голову” (рефлексив), “взяться за дело”, “взяться за чтение” (инхоативные модели), “взяться за латынь” (компрессиивно-инхоативная модель: “взяться за изучение латинского языка”) и др., а также одушевленным (ср.: “взяться за кого-л., т.е. “воздействовать на кого-л. для достижения какой-л. цели”) объектом, также указывает на *субъективацию* объектного актанта в личном предложении. Ср.: “Я не могу допустить пребывания в доме ... жильца ... не *взятого* на воинский учет милицией... – На учет *возьмусь*...” (Булгаков)¹⁰, – модификация обычной S–O-модели “Взять кого-либо на учет”. То же *даться*, *даваться*: “Ни за что не дамся!” (= “Не позволю, чтобы меня взяли”)¹¹. Форма *лупиться* в пассивном значении означает “подвергаться половому акту”¹². О смещении акцента на

агентивность объектного компонента (активизация) пассивного высказывания свидетельствуют и разговорные формы типа *отжеребиться*: “Мы удачно отжеребились” (= “С жеребьевкой нам повезло”).

Как показывает материал, сведение (редуцирование) маркера *-ся*, имплицитующего многогранную гамму S–O-отношений, исключительно к функциям рефлексива, как это имеет место в функционально-типологических исследованиях, является совершенно неоправданным упрощением. Ср. отнесение, например, к “посессиивно-рефлексивным” глаголам *нахмуриться*, *застегнуться*, *потратиться*, *печататься* [38, с. 24], а к “абсолютивно возвратному” *кусаться* [38, с. 23]. О структурно-семантическом статусе первых четырех глагольных единиц уже говорилось выше, а что касается моделей типа “Собака кусается”, то они, будучи активными, предполагают выражение не столько возвратных, сколько компрессиивных субъектно-объектных отношений. В них имеет место не элиминация объектного или именного компонента, а именно его экономная конденсация в постфиксе *-ся*, который, несмотря на то что, как это уже давно было отмечено, “перестает чувствоваться как объект” [44, с. 208], тем не менее, указывает на значение грамматического объекта: (1) *Собака кусает людей* → (2) *Собака кусается* → (3) *Собака кусачая* как следствие: кусачая от жизни собачьей → (4) *Злая собака*¹³. Примеры 1–2 выражают количественное отношение, а 3–4 – новое качество, выраженное субъектными адъективными дериватами, которым могут быть противопоставлены объектные. Ср.: “укушенный” (причина) собакой и *обозленный* (следствие) человек¹⁴. Также ср. *драться*, *бодаться*, *лягаться*, *царапаться*¹⁵. Отнесение форм, “выражающих обнаруживание себя каким-либо действием или качеством” (типа *жжется* – о крапиве) к общему залогу, имеющему значение “возвратного” или “среднего”, критиковал еще Потебня [44, с. 207] – со ссылкой на А.Х. Востокова.

¹⁰ Весьма показательно, что необычность этой пассивной формы в итальянском, в котором использование пассивных образований является особенно частотным, при переводе совершенно не отражается: “Non posso permettere che nel palazzo abita un inquilino... non iscritto nelle liste di leva...” (Bulgakov), букв. “Не могу допустить, чтобы в доме жил съёмщик, ...не вписанный в призывные списки...”.

¹¹ К страдательным глаголам на *-ся* А.А. Потебня относит *начинаться*: “[церковь] началась строиться, но сгорела... она и не начиналась” (Гоголь, Ревизор) [44, с. 213].

¹² То же значение для активного *лупить*, также “драть”, “сдирать кожу”, которое (помимо) известной этимологии Фасмера [48, с. 534–535] как материально, так и семантически могло бы быть сближено с лат. *glubere* (*glubo*, *glubeo*) “снимать кожу, обдирать, лупить”; *glubere aliquem* “обирать, грабить” (ЛРС: 458). Ср. у Катутла: “*glubit magnanimi Remi nepotes*” (CVL, LVIII) “знаменитых лущит потомков Рема”.

¹³ Возможно также субстантивное образование “*кусачка*”, напр., в языковой игре: “Кусачки-блехи” [49, с. 302]. Ср. и “комары”.

¹⁴ Еще более высокая степень субъективности может быть отмечена в метафорическом (качественном) глагольно-именном образовании *Цены кусаются*, т.е. непомерно большие цены (на товары), которые отпугивают (т.е. могут “укусить”) потенциального покупателя (реального субъекта-агента в позиции дополнения).

¹⁵ Адъективные и субстантивные именные единицы образуются не регулярно. Ср. *драчливый* → *драчун* (≠ объектн. *отодранный*); *бодливый* при отсутствии аналогичных дериватов от *царапаться* и *лягаться* (*лягавый* – омонимическое образование с другим значением).

В таких случаях следует говорить лишь о личном (персонифицированном) активном (S-O)-предложении: “Крапива жжет того, кто к ней прикасается”. Позднее, отмечая “активно-безобъектное значение” -ся в *Собака кусается, Коровы бодаются, Стена пачкается, Крапива жжется*, В.В. Виноградов писал, что “действие субъекта” в них “мыслится как характеристическая черта самого субъекта” [50, с. 635]. Еще большая вариативность S-O-отношений заложена в глагольной единице *колоться*: “Щека колется”, т.е. «“Небритая” щека колет лицо того, кто к ней прикасается» → Колючая щека → Колочка (о небритом субъекте); «Он колется с 15 лет, т.е. “Он вкалывает себе наркотики с 15 лет”»; “Если надо, уколуюсь” (каузативное отношение: “Если надо, то я дам сделать себе укол”), отличающиеся от омонимического “Он не колется” (псевдопассивное отношение “Его не могут расколоть”, т.е. “заставить рассказать все начистоту”).

Полагая, что к явлению “абсолютивных возвратных глаголов (*собака кусается*)”, как и “к целому ряду явлений русского синтаксиса может быть применено понятие антипассивной конструкции”, С.С. Сай основное внимание уделяет “другому грамматическому явлению, характерному для современной русской спонтанной речи и не получившему пока должного внимания в (специальной. – М.З.) литературе” [38, с. 23]¹⁶ – прагматически обусловленным возвратным конструкциям “опущенного объекта”. Предикативный центр этого явления, по мнению автора, выражается такими глагольными единицами, как *завернуться, ткнуться, ксериться, закрываться, запуститься, повторяться* и др. “антипассивными” глаголами, также относящимися автором к “возвратным” (ABГ), а также с конструкциями, предикатное ядро которых образуют “посессивно-рефлексивные” глаголы, за которыми логически закреплены “подразумеваемые” объекты типа *нахмуриться, печататься* и др. [38, с. 23], о статусе которых также см. выше. При этом отмечает-

ся, что в первом случае конструкции с “возвратным постфиксом -ся являются непереходными”¹⁷, а участник, занимающий позицию прямого дополнения, никак эксплицитно не выражен, тогда как во втором случае решающим для их правильной интерпретации является «лишь опора на конситуацию, в которой “подразумеваемый” объект оказывается восстановимым». Отсюда деление всех конструкций “с незаполненной позицией прямого дополнения” на *конситуативные* антипассивные возвратные конструкции (ABГ) и лексические возвратные конструкции (ABК) [38, с. 24–25].

Нельзя не отметить, что непереходность ABК, как лексических, так и конситуативных, является исключительно *структурной*: принципиально значимым является то, что компрессивный маркер

¹⁷ Как это обычно происходит в работах, написанных в русле типологии, основывающейся преимущественно на теории валентности, автор несколько преувеличивает значение “переходности как принципиально важной грамматической категории” [38, с. 27]. Как показывает конкретный материал, опора на классификацию по признаку “переходность / непереходность” во многих случаях оказывается зыбкой и весьма уязвимой. Это подтверждается не только в недостаточно изученных языках “с так называемой расщепленной непереходностью”, о которых предпочитает говорить автор [38, с. 8], но прежде всего в индоевропейских. Богатейший материал, касающийся важных сторон категории залога, постоянно игнорируется. Так, например, в “Теории функциональной грамматики” В.Б. Касевич, указывает только на “объектную ориентацию” англ. break: “I broke my cup / leg” [52, с. 28], оставляя без внимания субъектную: The day breaks “(День) рассветает”. То же в иберо-романских языках: исп. Abre al día, то же порт. Abre o sol – “Встает солнце” [53]. Кроме того, в испанском имеются особые дативные (безличные, т.е. Рг – О) модели, выражающие неволеное действие, одним из формантов которых также является маркер -se: Se me rompió la taza – “У меня разбилась чашка” ≠ Rompí la taza (= I broke my cup) “Я разбил чашку”, совершенно невозможные в английском и французском. Таким образом, “базовые” переходные и непереходные структуры могут быть признаны релевантными только для начального (формального) анализа. Для структурно-семантической (контентивной) типологии существенным является углубленное внимание только к субъектно-объектной составляющей глагольных единиц, являющейся основной детерминантой для языков эргативного и номинативного типа [54, с. 141]. Так, “базовой переходной” (*Петя убил Васю*) и “непереходной” (*Коля спит*) конструкциям, приведенным в [38, с. 8], в испанском соответствуют модели с глаголом morir и dormir, которые могут быть как субъектными (Nicolás duerme “Коля спит”, так и объектными (Nicolás duerme al niño “Коля укладывает спать ребенка”) см. [15, с. 196–207]. То же для глагола движения llegar “прибывать”, объектная ориентация которого отмечается уже в ранних памятниках испанской литературы. Ср.: Oyendo lo cual Pereandro, le mandó llegase su barca a tierra (Cervantes), букв. “Выслушав его, Переандр велел ему *приблизить* его лодку к берегу”. О других примерах объектного использования “инаккузативных” романских глаголов см. [53, с. 32].

¹⁶ Здесь автор также называет “конструкции с генитивом” (*выпить чая* и т.д.) и с непереходным употреблением таких глаголов, которые допускают оформление второго участника творительным падежом (*швырять камнями*) [38, с. 23], которые давно и традиционно классифицируются как *партиципальные* и *инструментальные*. Можно, конечно, вместо “19 июля” говорить “19 термидора” (это дело вкуса), но навязывать термины, относящиеся к пассиву для феноменов, структурно связанных с исключаящими пассивизацию эргативными системами (с возможностью выражения эргативных отношений другими косвенными падежами – “расщепленная эргативность”, как, например, в баскском, см. [51]), нет никакой необходимости.

-ся здесь имплицитно S–O-отношения (“Кто-то делает что-то”). Конситуативные АВК “теоретически осмысляются” как продукт метонимического расширения собственно-возвратной модели через поссессивно-рефлексивные конструкции (действие, направленное на себя → на “свой неотчуждаемый объект → на какой-нибудь объект в пространстве деятеля, идентифицируемый преимущественно в силу того, что на него направлено действие”) [38, с. 26]. Выражая изложенное выше в терминах традиционного структурно-семантического языкознания, следует отметить, что два первых этапа процесса указывают на субъектное (медиальное) отношение (рефлексивы неотчуждаемой / отчуждаемой принадлежности), а третий – эксплицитно субъектно-предикатно-объектное отношение: *деятель – действие – объект*, на который направлено действие. Действительно, как показывает эволюция залоговых отношений в языках номинативно-аккузативных систем, активные S–O-отношения не развивались из медиальных, а существовали параллельно им (дихотомия актив – медий). Из медиальных развились только отношения пассива, без которых существование постулируемых в современных исследованиях отношений “антипассива” не имели бы совершенно никакого (этимологического) основания.

Таким образом, говорить в этих случаях следовало бы не о “метонимическом расширении собственно-возвратной модели”, а прежде всего о расширении функций собственно-возвратного -ся как компрессивного маркера, способного имплицитно любые S–O-отношения, возникающие в процессе функционирования предложения в языках номинативно-аккузативного строя. Так, например, помимо ситуации “подразумеваемого субъекта” – дополнения: “закрывание двери, банки, компьютерной программы, карт при игре в преферанс” может быть отмечена и *субъектная ситуация*, связанная с выражением либо семы нежелания субъекта общаться (“Он закрылся”, т.е. “прекратил общение, стал неразговорчивым” и пр.), либо семы защиты от действий соперника в процессе спортивного соревнования: “Он закрылся” (в поединке боксеров и пр.). Так же при объяснении глаголов *завернуться* (“Он вернулся в одеяло” – рефлексив при отчуждаемой принадлежности, “Сыр завернулся с третьей попытки” – пассив: “Сыр был завернут...”; но “Сыр никак не заворачивается” – безличная модель, как и “Сыр никак не завернуть”, “Сыр заворачивается (продавцами)”, при “Сыр заворачивают” – неопределенно-личная модель), *повторяться* (“...повторяюсь”), что предполагает не только

“повторяю заявку”, но и “повторяю одно и то же”, синонимичное субъектному глаголу говорения, т.е. “говорю одно и то же”, *ткнуться* (“...хочешь ткнуться, то ткнись вон туда”, т.е. “ткни” зарядное устройство... в розетку), которое, в свою очередь, передает и субъектное отношение (“Собака ткнулась (мордой) о ногу типолога”)¹⁸. Ср. также *открываться* (“Мы открылись” – субъектно-объектное, в т.ч. с подразумеваемым дополнением, и личное активное отношение: “Мы открыли магазин”; но “Банка не открывается” – субъектно-объектное и пассивное личное или безличное отношение, “Не хочешь мне открыться?” – субъектное отношение: “...рассказать мне все как есть”; “Он хорошо открывается” – субъектное отношение: в спортивной игре – предлагать себя для беспрепятственного получения, например, мяча в футболе, гандболе и баскетболе¹⁹; здесь же объектное, псевдопассивное или неопределенно-личное, *метафорическое* “счет открылся уже на самой первой минуте” (= «счет открыли (т.е. “забили гол”)...»), также свидетельствующие о нарастании тенденции к употреблению исследуемой модели; “Мы стучим, а он все не открывается” – субъектно-объектное, активное личное отношение).

Последний пример с глаголом *открываться*, несмотря на то что он, безусловно, уступает в благозвучности глаголу *ксериться*, также мог бы быть отнесен Саем в группу “конситуативных АВК” или к глаголам с “медиальным показателем с антипассивной функцией”. Не возражая, в принципе, против верного замечания об “активизации” явления [37, с. 75] отметим, что такое функционирование *открываться* известно давно и характерно не только для “современной спонтанной речи”. Отнюдь не “не молодыми грамматикализационно” [37, с. 75], являются и такие глагольные единицы с -ся, как *убираться* и *закупаться*. Для первой, помимо субъектных значений, связанных с перемещением в пространстве (“Убирайся отсюда!”) или с выражением отношения отчуждаемой принадлежности (*убраться* = “нарядиться”; ср. *головной убор* – предмет, которым покрывают голову)²⁰, всегда отмечалось и субъектно-объектное (“Сегодня здесь можешь не убираться”, “Обычно она убирается веником”, ср.

¹⁸ Отметим правоту С.С. Сая, пишущего исключительно об активной залоговой характеристике таких глаголов, как *ксериться* (если, конечно, не путать его с *сериться* как *defaecare*!) и *запуститься*.

¹⁹ Ср. также соответствие в испанском: *A partir de eso – ofrecerse*. *Estar dinámicas* (слова тренера, взявшего тайм-аут): «А затем (надо) открываться (букв. “предлагаться”). (Надо) играть быстрее».

²⁰ Здесь же ироническое субъектно-объектное: “Казнь путем отсечения (убирания) головы”.

также: “У людей пред праздником уборка...” (Пастернак), т.е. “Люди убираются перед праздником”). Субъектно-объектному активному *закупаться* в *Мы уже закупились* (т.е. уже купили все) можно противопоставить субъектно-объектное пассивное *Продукты закупаются в этом магазине*.

Отметим также, что обычный реципрок глагола *ругаться* в просторечии, как это давно было отмечено, становится косвенно-объектным *ругаться на кого-то*: “Не ругайся на меня”. То же можно сказать о *(раз)лаяться* (на кого-то): “И в окрестностях одна за другой надолго *разлаются* собаки” (Пастернак). Существенной структурно-семантической особенностью функционирования субъектно-объектных моделей, равно как и других активных S–O-предложений, ядром которых являются глагольные единицы с маркером *-ся*, от аналогичных конструкций, глагольные составляющие которых определяются Саем как “конситуативные АВК”, является обязательная одушевленность объектного компонента, сконденсированного (имплицированного) в морфологическом постфиксе. Так, *кусаться*, *царапаться*, *бодаться*, *лягаться*, *драться*, *жжеться*, *колоться* всегда предполагают выражение отношения S (кто-то)–Pr–O (кого-то), тогда как *завернуться*, *ткнуться*, *ксериться*, *закрыватьсья*, *запуститьсья*, *повторяться* и другие единицы постулируемых “АВК” (в их числе – *открываться*, *убираться* и *закупаться*) маркируют и отношение S (кто-то)–Pr–O (что-то). Здесь же *-ся* с глаголами говорения. Ср. в примере с элиминацией косвенного объекта в “Служанок била осердясь, / Все это мужа не *спросясь*” (Пушкин), т.е. “...не спрашивая об этом у мужа”.

3. Маркер *-ся* как интенсификатор субъектного участия

Нельзя не признать справедливость мнения о том, что употребление исследуемых глагольных единиц с маркером *-ся* “в речи связано с особыми дискурсивными условиями” [38, с. 26]: “подразумеваемый участник ... для слушающего ... прагматически оказывается нерелевантным”, а «для говорящего, породившего высказывание “*Вы там сами завернетесь?*”, потенциальный Р – участник (“покупка”), находится *вне фокуса внимания*, которое сосредоточено на хронологическом распределении действий, ассоциирующихся с определенными культурно заданными фреймами (продавец и покупатель разделяют то общее знание, что покупку обычно нужно завернуть)» [38, с. 27], и это предоставляется сделать оказываемому прагматически релевантному самому

покупателю – субъекту высказывания. О том, что здесь имеет место “опора на активацию” (всегда связанную с повышением роли субъектного участия) признается и в работе [37, с. 75]. Об этой же роли, безусловно, свидетельствуют и такие примеры предложений с объектными глаголами, как “зачем ты так *тратишьсья*” и “в общем, придума*ется* (нами) что-нибудь” (= “*мы обязательно что-нибудь придумаем*”).

Прагматический (риторический) акцент, таким образом, делается не на объектной, а именно на *субъектной* составляющей высказывания, и рассматриваемая конструкция указывает, прежде всего, на повышение роли субъекта в осуществляющемся субъектно-объектном процессе. Использование при этом постфикса *-ся*, морфологически интенсифицирующего функцию субъектного участия, происходит по аналогии с использованием форм медиа (субъектива), уже на ранних этапах функционирования этого залога означавшими процесс, развивающийся исключительно в рамках субъекта (К. Бругман, Э. Бенвенист, О. Семереньи и др.). О такой же субъективизации свидетельствует статус моделей с одушевленным объектным компонентом, также не являющихся семантически возвратными, в которых речь по сути идет о качественной характеристике субъектного компонента высказывания: *Собака кусаетсья* / *Собака кусачая* (вообще, т.е. вне зависимости от присутствия / отсутствия объекта ее агрессии – пациенса), о чем говорилось выше²¹.

²¹ Рассматриваемый феномен, указывающий на повышение роли субъектного участия, является одним из проявлений тенденции к активизации высказывания, результатом которого стала перестройка структуры индоевропейского предложения OV – SVO, приведшая к обязательному выражению субъекта [55, с. 374; 56, с. 14–15], одним из примеров которой стало преобразование структурно безличных предложений в более экономные личные (S + Vtr. + O) [57, с. 194]. Ср. замену дативно-безличных конструкций типа староангл. *Me likað*, исп. *Me gusta* “Мне нравится”, фр. *Il me souvient* “Мне вспоминается” на англ. *I like*, порт. *Gosto*, букв. “(Я) нравлю”, фр. *Je me souviens* “Я вспоминаю” [58, с. 11]. Сюда же – образования с фиктивным агенсом типа русск. *Я сломал ногу*, а также многочисленные примеры пассивизации, осуществляющейся даже в предложениях с субъектными глаголами. Ср. англ. *She was told*, букв. “Она была сказана” (вместо “Ей сказали”), о которых уже говорилось выше. См. также [16]. Здесь же пассивизация безличных структур типа *This dress cannot be sit down in* букв. “Это платье не может быть сидимо в...” (“В этом платье невозможно сесть”). Примеры подобных псевдопассивных конструкций (как и эволюция типа *me likað* → *I like*) указывают на *субъективацию* безличных образований, приводящую к обязательной экспликации подлежащего как “чрезвычайно экономного способа упаковки пропозиционального содержания высказывания” [59, с. 13].

Многочисленные примеры, свидетельствующие о прагматической акцентуации на субъектной составляющей высказывания, можно отметить в испанском языке, изобилующем разнообразными моделями с интенсифицирующим маркером *-se* (= рус. *-ся*). Называя *se* “самым переменчивым и многогранным элементом, резко контрастирующим с другими клитиками”, Отеро указывает на “способность *se* представить все функции других клитиков, а также еще дополнительные, указывающие на ... значительные новации, имевшие место в процессе эволюции романских языков” [26, p. 168]. Тем не менее, по мнению исследователя, «это не означает... что *se* является тем, что называют “На все руки мастер” (исп. *Hzlotodo*, букв. “сделай это все” = лат. *fac totum*, англ. *Jack of all trades* (эллиптическое образование, восходящее к более полному *To be Jack of all trades & master of none* “За все братья и ничего не уметь”. – М.З.), т.к. гамма ее функций четко ограничена фундаментальными требованиями связи *se* с субъектом предложения» [26]. Одним из таких примеров является функционирование так называемых “неактивных” (*non-actancial*) образований с рефлексивным дативом и с эксплицированным объектом. Как отмечается, *-se* в них, “удваивая роль субъекта в процессе, повышает значение субъектного участия в нем: *me comeré las uvas* “Я съем виноград” (обычно *comeré las uvas*) [60, p. 236, 321]. Также отмечается “эмфатический и экспрессивный характер этих моделей”. Ср.: *comerse el pan* (букв. “съесть себе хлеб”), *ganarse la vida trabajando* (“зарабатывать себе на жизнь, работая”); также в “переходных структурах”, которые следует отделять от омонимических “переходных” образований: *comerse el coco=comerle el coco a alguien* (т.е. “съесть кокосовый орех (у) кого-либо”), которые очень распространены в современной разговорной речи. Ср.: *Tú te lo pierdas* (букв. “Ты тебе это потеряешь”) [61, p. 212–214]. Также отмечается, что рефлексивный (возвратный) характер этих образований, как и в моделях этического датива (*no te me vayas* «Ты от меня (букв. “мне”) не уйдешь») “притупляется и даже стирается” [18, p. 154]. То же – в баскском: *Ioan zatzaizkit* “Те me has ido” [18, p. 154] букв. “Ушедший ты есть мне”. Очевидно, что в подобных образованиях, равно как и в баскских моделях аллокутива, глаголы как собственно возвратные квалифицироваться не могут. Ср. *Horrek etxea erosí dizu* “Этот купил дом” букв. “Этот тебе купил дом”, в котором *dizu* (“тебе”), не являясь косвенным дополнением, служит для “включения” в процесс, о котором идет речь, собеседника-реципиента [18, p. 154]. То же – в близких к аллокутиву галлисийских

конструкциях “датива солидарности” (подробнее см. [62, с. 85]). Также очевидно, что не должны рассматриваться как имеющие возвратное значение и псевдорефлексивные (*pseudoreflejas*) конструкции с глаголом движения “*irse*” и состояния “*estarse*”: *me voy* (“я (сейчас) ухожу”), *nos estamos en casa* (“мы находимся дома”). Тем не менее, местоименные показатели здесь не являются избыточными, а “обозначают легкий оттенок *субъектного ... участия*” в процессе [18, p. 154]. В первом случае также имеет место выражение аспектуальности [28, p. 119].

Один из первых примеров “избыточного” функционирования субъектных глаголов, связанных с акцентуацией внимания на роли субъекта, содержится в старейшем португальском документе из монастыря Вайран (*Vaião*), условно называемом “*Noticia de Torto*” (“Записка о несправедливости”), в котором отмечается трехкратное использование *comer-se*: ... *Venerum a uila e filarun-li o porco ante seus filios e comerun-si-lo...* “...Они пришли в селение и схватили у них свинью на глазах у его детей и съели (себе) – ее” [63, с. 39]. Факт, безусловно, интересный: для современного португальского использование *se* в подобных случаях нехарактерно, и аналогичные избыточные модели используются лишь в Бразилии [64, с. 236]. Формы с *se* с “переходными” глаголами (*Se veio, estando-se, se caiu*) усиливают субъектность авторского участия в романе “Юная девушка” (*Menina e moça*) Б. Рибейру (XVI в.) [64, с. 139]. Это говорит о древности феномена. Отметим также, что замечание о том, что “употребление возвратного местоимения” в таких примерах современного португальского языка, как *É um bom país para se viver* (“Эта страна хорошая для того, чтобы в ней жить”), “не затрагивает залоговых отношений”, [11, с. 29] представляется некорректным. *Se* здесь выражает залогово активное отношение с указанием акцентуации на роли субъектного актанта в инфинитивной модели. Это, впрочем, косвенно признает и сам автор, который, разъясняя “иную роль”, которую играет возвратное местоимение, сообщает об указании на то, что “субъект действия инфинитива либо *включает в себя говорящего*, либо совпадает с ним, тогда как во фразе без возвратного местоимения область референции субъекта действия инфинитива гораздо более аморфна, и говорящий туда ... не включается” [11, с. 29].

Отмечая способность медиа указывать “на участие субъекта в глагольном действии”, Ф. Монхе пишет о том, что «начиная с древнейшей эпохи в латыни глагол со средним медиальным. – М.З.) значением ...мог сопровождаться *местоимением*,

обозначавшим *прямое управление*. Так, у Плавта рядом с *quo agis?* (“Что делаешь?”) ... использовалось *quo tu te agis?* (“что ты тебе делаешь?”) ... Возвратные конструкции (интенсификации. – М.З.) ... указывали, таким образом, на оттенок участия субъекта в глагольном действии» [65, р. 344]. В современном испанском появление *se* иногда способствует изменению качества субъектного участия в медиальном процессе. Ср. *despechar* “огорчать(ся), сердить(ся), раздражать(ся)” и *despecharse* “приходить в ярость”. Другим ярким примером субъективации в иберо-романских (шире – западнороманских) языках является функционирование несогласованных моделей с объектными глаголами типа *Se vende botellas* (букв. “Продается бутылки”), “указывающих на развитие предложений с *se* на пути их превращения как индикаторов ...имперсональности (активности. – М.З.), связанной с развитием субъектного участия в глагольном процессе” [65, р. 383–386]. Использование личных (активных) и неопределенно-личных моделей вместо пассивных лежит в русле общей тенденции к развитию субъектного (активного) высказывания²² (см. [66]).

Заслуживает внимания повышение роли субъектности как экспликации активности номинативно-аккузативного высказывания. Так, в спонтанной русской речи можно отметить не только умножение примеров функционирования интенсификатора *-ся*, функционально замещающего обычные объекты в формах типа *завернуться* в смысле *завернуть что-либо*, но и субъектные структуры, ядром которых являются глаголы движения, ср.: “Она позвонила, когда *выходилась*” (в сводке телевизионных новостей, в которых сообщается о благополучном спасении при пожаре). Следующим шагом в языковой эволюции, всегда сопутствующей развитию цивилизации (в настоящее время посылать телефонные сообщения можно и в процессе перемещения), могло бы стать появление в этом контексте глагольной формы *позвонилась*, при всей своей несурзности как выражение привычных S–(Pr)–O-отношений, совершенно не отличающейся от уже существ-

ующего *ткнулась* (чем-то во что-то)²³. Таким же ярким примером проявления тенденции к субъективации, связанной с активизацией высказывания, является оформление маркером *-ся* личной активной конструкции, сопровождаемое сменой S–O-отношений в результате трансформации пассивной, неопределенно-личной или безличной структуры “На учет *возьмусь*” ← “(Я) буду взят на учет / На учет меня *возьмут* / Меня надо *взять на учет*”, о которой уже говорилось выше. То же – “Он снимается в кино с шести лет” ← “Его снимают...” и “Хорошо бы сняться на фоне Пушкина” ← “...чтобы нас сняли (=сфотографировали)...” ≠ субъектным “Сняться с якоря/мели” (“Снять свой корабль с якоря/мели, двинуться в путь”), “Наконец удалось сняться” (т.е. “Взять подачу соперника и получить очко в неудачно складывающейся волейбольной партии”). Ср. также структурно пассивизированное “Такие нарушения у нас свистятся” (в репортаже о футбольном матче при оценке деятельности субъекта – арбитра)²⁴ = “За такие нарушения у нас (обычно) *свистят*”.

4. О грамматической равнозначности терминов “опущение” и “эллипсис”

Раскрывая специфику русских антипассивных конструкций, С.С. Сай отмечает, что “*опущение* участника (объектного компонента. – М.З.) происходит с опорой на активацию определенного фрейма, в котором этот участник оказывается предсказуемым” [37, с. 75]. Также, рассматривая ниже, глагольные компоненты “антипассивных” конструкций – конситуативные АВГ, автор, полагая, что «подобные возвратные глаголы не вполне корректно называть глаголами включен-

²³ Ср. уже вполне нормативное разговорное *отзвониться* в значении “сделать обязательный звонок кому-либо”. Здесь же указывающий на косвенную объектность (переходность) “пойду *доложусь* жене” (= “... доложу об этом жене”).

²⁴ Часто на формирование необычных разговорных новообразований с *-ся* влияет также связанная с законом языковой экономии аналогия. Ср. форму *счастливиться*, образованную непосредственно от существительного как результат формально-семантического уподобления неопределенно-личной *поется*: “Что же, разве ты песнью зазывала *счастье*?” – “Где поется, там и *счастливится*” (Лермонтов). Неопределенно-личная семантика *счастливиться*, совершенно не связанная с возвратным (медиальным) осмыслением, при переводе на европейские языки не передается. Так, например, в баскском в обоих случаях используется только существительное: “...Kantekin zoriona erakarriko duzula?” – “Kantatzen den tokian, zoriona dago” (Lermontov) “... с песней счастье привлечешь?” – “В месте, котором поют, счастье находится”.

²² Помимо образований с “местоименным” клитиком о ней свидетельствуют также многочисленные разновидности персонифицированных конструкций с изменением конфигурации S–O-отношений (ср. “Львы намочили гривы” ← “Дождь намочил гривы львов” ← “Гривы львов намочились / “намочили от дождя”) и др. Ср. также маркер эргатива *-k*, усиливающий субъектное участие в персонифицированных баскских моделях типа *odolak irakin* “кровь кипит” (букв. “кровь (эрг.) кипевши” = “кровь кипится”).

ного неодушевленного объекта (Ю.П. Князев), предлагает именовать их “возвратными глаголами опущенного объекта» [37, с. 77]. Термины “опущение” и “опущенный”, начиная с александрийских грамматиков (ср. у Аполлония Дискола [67, р. 13]) и до настоящего времени [68, с. 492], неразрывно связываются с феноменом эллипсиса как грамматической фигуры структурного опущения. Подробнее см. [15, с. 7–25]. То же – в американской лингвистике 70-х гг. XX века, в которой “опущение” (deletion – “вычеркивание, стирание, уничтожение”) понимается не как “поглощение” или конденсация, а именно как “эллипсис”. Об этом свидетельствуют все примеры в сборнике “Новое в зарубежной лингвистике” (выпуск 11, 1982), указанные на с. 443, и, в частности, в работе Р. Ван Валина и У. Фоли, использующих функциональный подход к синтаксическому описанию [22, с. 397, 399].

Что касается конкретного “опущения участника” или “глаголов опущенного объекта”, характеризующих “антипассивные” образования [37, с. 75–77], то оно, связанное с проблемой *эллиптического* опущения дополнения переходного (объектного) глагола, достаточно освещено в традиционном языкознании. Так, еще Ф. Санчес де лас Бросас в своей универсальной грамматике “Минерва” (1584) рассматривал как вид эллипсиса нарушение обычного правила, требующего обязательного прямого объекта при переходном глаголе (см. [69, с. 86]). Тесная связь значений глагола и прямого объекта, наиболее ярко проявляющаяся в этимологических фигурах структурного (ср.: *жить жизнь*) или семантического типа (исп. *andar el camino*, букв. “идти дорогу”), побудила В.Г. Гака отметить, что в индоевропейских языках переходный глагол, грамматически согласуясь с субъектом, вместе с тем семантически согласуется с объектом, напоминая тем самым формальную ориентированность *переходного глагола*²⁵ на объект в языках эргативного строя [70, с. 389].

Существуют в основном два условия для опущения прямого дополнения при переходном глаголе: (1) при однозначном семантическом восполнении объектного компонента высказывания и (2) при ситуативном его восполнении.

К *первому* случаю, помимо упомянутых *figura etimologica* или внутреннего аккузатива, относятся примеры так называемого *привычного эллипсиса*. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «конкретное дополнение при глаголах говорения и сообщения, суждения и мышления, памяти и знания, эмоцио-

нальных переживаний, волеизъявления и других, относящихся к предметам пропозиционного отношения, обычно представляет пропозицию, для восстановления которой иногда бывает необходимо *заполнить семантическую лауну, называемую привычным эллипсисом*. Ср.: “просить (дать) денег займа»» [71, с. 128]. Это – одна из разновидностей устойчивых компрессивных образований. Ср. примеры пропозиционной компрессии в испанском: *Quería untarle todo esto y pedirle el parecer* (← *pedirle decir el parecer*) – “Он хотел рассказать ей все и спросить (сказать ему) ее мнение”; *Pedid una ambulancia...* (← *Pedid que venga una ambulancia...*) – “Звоните в скорую...” (буквально “Звоните, чтобы приехала скорая...”); *Habló conmigo y me pidió tu teléfono* (← *me pidió que le facilitara tu teléfono*) “Он поговорил со мной и попросил (чтобы я ему дала) твой телефон” (Mártin Ribera).

Что касается *второй* разновидности эллиптического опущения объекта, обусловленного ситуацией, то к ней обращался еще А.А. Потебня в связи с понятием глагольной переходности, указывая при этом на необходимо содержащееся в глаголе *требование объекта*. Оспаривая мнение Ф.И. Буслаева, согласно которому глагол “читать” в предложении “Он уже читает” употреблен в непереходном значении, харьковский языковед писал: «*Не договаривая* (здесь и далее курсив наш. – М.З.) дополнения при *объективном*²⁶ глаголе, мы не делаем этого глагола *субъективным*, потому что, нисколько не изменяя этим самого глагола, мы, так сказать, оставляем при нем пустое место для объекта: “Он уже читает” что бы то ни было, нечто такое, что, выраженное именем, стояло бы непременно в винительном падеже» [44, с. 200]. Комментируя это наблюдение, С.Д. Кацнельсон отметил, что позднее понятие «“пустого места”²⁷ было сформулировано... и в логике (К. Бюлера)» [73, с. 21]. Н.Д. Арутюнова, обращаясь к подобным предложениям – компрессивным или эллиптическим, отмечает, что при комплетивном характере связи «глагол семантически детерминирует дополнение: глагольная лексема “призывает к себе” (по терминологии Л. Ельмслева) лексему имени. С другой стороны, дополнение своей формой обнаруживает синтагматическую зависимость, указывая на присутствие глагола. Такого рода зависимость позволяет говорить об управлении... Факт семантической (а не грамматической) детерминации *побуждает слушающего ощущать*

²⁶ Именно “объективным”, а не “переходным”; и далее «“субъективным”, а не “непереходным”».

²⁷ Другие исследователи термину “пустой” предпочитают “латентный” [72].

²⁵ Термин “переходный” здесь следует понимать условно.

отсутствие дополнения при прямопереходном глаголе как эллипсис» [74, с. 274].

Элиминация (эллиптическое опущение) заглагольного члена (любого дополнения) ведет, как считает В.С. Юрченко, к троякого рода последствиям для оставшейся части предложения: (1) она не меняет своего значения и сохраняет семантическую полноту (ср.: *Ребенок спит на диване – Ребенок спит*); (2) она не меняет своего значения, но становится семантически неполной (ср.: *Брат подарил сестре книгу – Брат подарил*); (3) она меняет свое значение (ср.: *Дочь поет романс – Дочь поет*) [75, с. 42]. Отметим, что неполное предложение последнего типа при других контекстах может рассматриваться как полное. Ср.: *Что делает (твоя) дочь в школьной самостоятельности? – (Дочь) поет (а не пляшет)*.

Известно, что такие неполные предложения с одинаковым сказуемым, как *Профессор читает* и *Прохожий читает*, семантически являются различными. Как писал И.И. Мещанинов, “смысловая сторона высказывания обуславливает использование глаголом различной семантики” [76, с. 178]. То есть субъект определяет семантику объекта, а шире – компрессивного (эллиптического) предиката: *Профессор читает (лекции)* и *Прохожий читает (книгу, газету, объявления)*. Тем не менее, восстановление может быть ситуативным и в этом случае: профессор, оказавшийся прохожим, может читать, например, объявление о лекции, которую он сам же и собирается прочесть.

Только ситуативное восстановление возможно в большинстве случаев и для так называемых “нулевых объектов” – опускаемых местоименных форм прямых дополнений, недифференцированными референтами которых являются одушевленные субъекты (PRO arb в генеративной лингвистике), что хорошо исследовано на материале южнороманских языков [77; 78]. Ср. исп. *Algunas drogas pueden [PRO arb] conducir a la locura* [26, p. 216] “Некоторые наркотики могут довести [его / ее / их] до сумасшествия”²⁸. О переходных

глаголах с эллипсисом объекта, как об одной из характеристик “простого эмоционального стиля” португальского поэта XVI в. Ф. де Са Миранды пишет Е.М. Вольф [64, с. 138]²⁹.

Как давно установлено, многие баскские “переходные” глаголы часто используются в абсолютной форме, т.е. без прямого дополнения, которое, опускаясь, либо подразумевается, либо отсутствует, так как его появление не является необходимым [18, p. 145]. Речь идет об одной из многочисленных компрессивных моделей – явления, привычного и вполне нормативного для баскского языка³⁰. Так, в бискайском диалекте *igo(n)* “подниматься” и *irten (urten)* “выходить” (“непереходные”, субъектные глаголы) спрягаются с “переходным” (объектным) вспомогательным глаголом, но без прямого дополнения [18, p. 147]. Отмечая факт отсутствия “прямого дополнения, характеризующего подобные примеры, указывающий на его несомненную тесную связь с глаголом”, Л. Мичелена приводит предложение *urak irakin du* – “вода вскипела”, где именной компонент *ura* (“вода”) используется с маркером эргатива (-k), следствием чего является появление аналитической формы, состоящей из “непереходного” *irakin* “кипеть” (букв. “вскипевшая”) и переходного вспомогателя *du* (буквально “(он) имеет”). Таким образом, синтаксически *ura* здесь является одновременно и (неодушевленным) субъектом, и объектом [81, p. 262].

О синкретичной природе баскского глагола – лабильности категории “переходность” и невозможности выражения залоговых отношений, в частности, исключающих пассивное осмысление, обычное для номинативно-аккузативных языков, мы ранее писали (см.: [62, с. 80–81]). Образующиеся при этом “смешанные” эргативно-абсолютивные конструкции³¹ предполагают необходимость присутствия прямого дополнения, которое, легко опускаясь, имплицитно эргативным маркером, присоединяемым к неодушевленному субъекту. В обычной эргативной конструкции в баскском (соответствующей переходной, объектной модели в индоевропейских языках) может иметь место опущение глагольного сказуемого, также легко восстанавливаемого благодаря наличию эргативного маркера и си-

²⁸ Ср. также примеры “игрового эллипсиса”, отмеченные в юмористической и вполне серьезной литературе: *Не мешайте. Воздерживайтесь... Бойтесь. Помните. Проветривайте... Имейте в виду... Не употребляйте* и т.д.; “Она была удивлена моим ответом на экзамене и довольна, как бывает доволен преподаватель, который от нас не ожидал” и др. [49, с. 144]. Комментирующий эти и другие примеры Б.Ю. Норман пишет: “...оставшееся... в тексте слово как бы впитывает в себя значение отсутствующего партнера – оно постоянно приобретает новый смысл. Таковы, в частности, в современном русском языке глаголы: *нарушать...* (из *нарушать правила уличного движения*)..., *выражаться* “ругаться” (из *выражаться нецензурными словами*), *посылать* “ругать, проклинать” (из *посылать к черту*)” [49, с. 145].

²⁹ О возможной связи испанских моделей с “нулевыми” дополнениями с баскским феноменом см. [79; 80].

³⁰ Подробнее см. [15, с. 364–399].

³¹ Что соответствует транзитивации или объективации “непереходных”, т.е. субъектных глаголов в номинативно-аккузативных языках и приводит к “мене диатезы”.

туации, ср.: Azkena nik (pagatu dut) “Последний (заплатил) я”³².

Для предложений с синтетическими формами irakin: Urak diraki “Вода кипит” отмечается, что отсутствие объекта делает бессмысленной постановку вопроса к ним (“Что кипит вода?”)³³. Подобные глаголы иногда называют “инаккузативными” и “инэргативными” [82: XXXIII]. Объединяя последний термин с термином “антипассивный”, некоторые исследователи приводят примеры несколько отличающихся глагольных форм³⁴. Как представляется, можно говорить о промежуточной разновидности опущения прямого дополнения при переходном глаголе. К ней относятся глагольные единицы, которые С.С. Сай считает “антипассивными по происхождению дериватами”, в которых «имеет место “исчезновение” жизненного цикла антипассивных конструкций через лексикализацию» и “мена диатез”. В качестве примера приводятся “дериваты” от глагола со значением “пить”, приобретающие значение “пить алкогольные напитки”, и от глаголов “видеть что-то” или “слышать что-то” в значении “думать о чем-то” [38, с. 23]³⁵.

³² В другом примере, с “непереходным” erion “бить ключом” (о воде) в “переходной” конструкции iturriak ura dario (“источник бьет ключом” – буквально “источник (эрг.) вода бьет “ключом”) Мичелена, указывая на смену управления, возводит ее к дативной безличной iturriari ura dario (букв. “источнику вода бьет ключом”). Ср. также haitzari ura dario (“из скалы течет вода”) [82, р. 166], букв. “скале вода течет”. Также отмечается возможность образования в баскском предложений с “неизвестным субъектом”, который, опущен (т.е. в отличие от обычных эллиптических опущений – типа Jan nai det ← Nik jan nai det “(Я) хочу есть” он уже не восстанавливается). Ср. предложения, выражающие атмосферные явления, также формирующиеся с “переходным” вспомогателем: Euria ari du “Идет дождь” (букв. “Дождь (в делании его) (он) имеет”. Ср. также с глаголом egin “делать” (“сделанный”): Euria egin du “то же”. – М.З.), сопоставляемые с греческим hucē “дождит”, возможно, восходящим к модели с эксплицитным субъектом Zeüs hucē “Зевс дождит” [81, р. 262].

³³ Как и соответствующую интерпретацию их в качестве предложений с неодушевленным субъектом, стоящим в эргативном падеже.

³⁴ Что касается феномена опущения косвенных объектных компонентов, то, как предполагается, возможность его является следствием влияния испанского как результата интерференции, имеющей место на современном этапе испано-баскских контактов. Ср. опущение органического для баскского предложения дополнения в дативе: Egun guztietan etorten da semie ekarten periodikue (“Каждый день (мой) сын приходит (ко мне) = исп. me viene (a mí) (чтобы) принести мне газету” [83, р. 38].

³⁵ “Лексикализация” и “мена диатезы”, отмечаемые автором для второго примера “антипассивной деривации” видеть что-то → думать о чем-то, являются следствием развития хорошо известного причинно-следственного процесса, указывающего на эволюцию абстрактной эпистемической (мыслительной) деятельности как результата

Что касается первого примера, то “мена диатез” оказывается следствием опущения именно-го компонента – дополнения. “Идиоматическое прочтение” пить (как и выпивать) существует параллельно буквальному, при котором обычно предполагается использование полной глагольно-именной модели, а в случае эллиптического опущения всегда возможно восстановление именного компонента, но его семантика обязательно зависит от ситуации, ср.: *Набегавшись, она всегда пьет (много воды / что-нибудь холодное / ркацителли и пр.)*; *Перед обедом дети обязательно выпивают ложечку рыбьего жира, а после обеда – стакан компота*; *На банкетах он никогда не пьет (спиртного)*. В предложениях с полной или эллиптированной синтагмой, когда номинативный компонент указывает на процесс поглощения именно алкоголя, негативное отношение к этому факту, как правило, не имеет места, ср.: “Он фармазон, он пьет одно, / Стаканом красное вино” (Пушкин), где порицается не “пьянство”, а выбор заморского зелья (красное вино) вместо отечественного. Но: “Не будем пить из одного стакана / Ни воду мы, ни сладкое вино” (Ахматова), – это лишь сожаление о невозможности находиться рядом с любимым человеком³⁶. А такие глаголы, как *готовить* (еду), *водить* (машину), допускают, хотя и с меньшей частотностью, и другие опущения, ср.: “Она хорошо готовит (к экзаменам)”; “Тамара хорошо водит (хоровод / за нос / в игре) – (см.: [15, с. 35]). В разговорном языке тенденция к опущению объектного именного компонента является весьма частотной³⁷. Ср., например, в образованиях с *зажигать*:

конкретного зрительного восприятия, о чем размышляли неоплатоник Плотин [84, с. 37], блаженный Августин [85, с. 236], схоласт Фома Аквинский и др. Согласно последнему, «система чувственных образов, которую составляют “подобия” предметов ... обрабатывается разумом, т.е. процесс абстракции ... превращает образы “чувственные” в образы “умопостижимые”, которые наконец обрабатываются “активным разумом” (= “думать о чем-то”. – М.З.)» [86, с. 15].

³⁶ Ср. также романские примеры “пить (не только алкоголь)” / есть как “принимать во внутрь”, ср. исп. tomar, ит. prendere, фр. prendre (первым значением которых является “брать, взять”), представляющие компрессивные модели с опущением *беру* (чтобы съесть / выпить) → *беру* (и ем / пью). В полном виде подобные образования функционируют, например, в литовском. Ср. калькированное “Хочешь взять выпить?” (Аксенов) – (см.: [15, с. 200]). Ср. также развитие в латиноамериканских вариантах испанского значения “алкоголик”, “пьяница” у субстантивированного производного tomar – tomador.

³⁷ Ср. компрессивную деривацию, приводящую к образованию нового глагола, конденсирующего исходное дополнение: “Ты приедешь в сборную и начнешь там *феерить*” (Спорт Уик-Энд, 8.11.01.12) → *делать феерию*.

«Во втором тайме зажигали только звезды (= звездные игроки) “Ливерпуля» (звезды – субъект) ≠ “Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно” (Маяковский) (звезды – объект). Об аналогичных опущениях в испанском (ср. *aguijar* “пришпоривать (лошадь)” (← *aguijar el caballo*; *aprovechar* “пользоваться случаем” (← *aprovechar el caso / la ocasión* и др. [15, с. 243–245]. То же в языке футбола: *marcar* (← *marcar el gol*) “забить гол”; *desprejar* (← *desprejar el balón*) “выносить мяч” и т.д.

В отличие от полных (предметно-объектных) или эллиптированных синтагм (с опущенным объектом) “фигуральные” высказывания с “пить / выпивать” конденсируют уже не восстанавливаемый объект, значение которого обязательно связано с алкогольными напитками. Для номинации злоупотребляющего ими субъекта используются адъективные дериваты глагольных составляющих высказывания – *пьющий / выпивающий*. Эти предикативно-адъективные единицы являются промежуточными компрессивными образованиями. Последнее звено процесса сокращения здесь составляют субстантивные единицы *пьяница / выпивоха*, которые, в свою очередь, могут расширяться, но не за счет восстановления опущенного компонента, а путем присоединения прилагательных, ср.: *горький пьяница*, т.е. тот, который *пьет горькую (водку)*; также ср.: *алкоголик / алкаш / алик* – субстантив, образованный в результате опущения именного составляющего исходного словосочетания, т.е. *пить алкоголь / алкогольные напитки*³⁸.

Анализируемая цепочка высказываний: (1) *Он пьет какой-нибудь алкоголь* → (2) *Он пьет* → (3) *Он пьющий* → (4) *Он пьяница*, – указывает на феномен не столько синтаксического, сколько глубинного морфологического уровня, так как речь идет не просто о поверхностной (опосредованной) “мене диатез”, но об изменении (причинного) *категориального характера*: V → N³⁹.

³⁸ Ср. противопоставление формы *алкоголик* полной предикатно-объектной форме с глаголом “пить”, не содержащей оценочных коннотаций: “Вы алкоголик (пьяница / пьете)? – Нет! Что Вы! Но я пью, конечно...воду, вино... “Байкал”...».

³⁹ Ср.: (1) *Он просит милостыню* → (2) *Он просит* → (3) *Он попрошайка* → (4) *Он нищий*. О самодостаточности второго примера как компрессивного (эллиптического в диахронии) образования “просить” = “просить именно милостыню” свидетельствует значение каталанского *capta* “просить милостыню” (*demanar almoína*): *Capta a la porta de San Just* [87, р. 330]. “Он просит (милостыню) у ворот церкви Святого Джуста”, чему в испанском и португальском соответствуют только полные варианты: *pedir limosna* и *pedir esmola*.

Такие модификации глагольных форм в именные (развитие субстантивности) и *viceversa* (развитие вербальности) часто имеют место в языках различных систем и развиваются параллельно синтаксическому изменению конфигурации залоговых отношений или S – (Pr) – O.

Как показывает изложенный материал, все три разновидности моделей переходных (объектных) глаголов с незаполненной позицией прямого дополнения являются действительно эллиптическими, т.е. допускающими структурное восполнение опущенного именного компонента⁴⁰. Что касается моделей с “лексическими антипассивными возвратными” глаголами, то в них имеет место не опущение объекта, а именно его *семантическая инкорпорация, поглощение или конденсация*. Речь здесь также может идти о *компрессивной трансформации*, в которой *исключается* структурное восполнение опущенного компонента (*Вы там сами завернете?* – безусловно экономнее, чем *Вы там сами завернете свой кусок сыра?*), но не о собственно эллиптическом *опущении*: *Вы там сами завернете (свой кусок сыра)?* Или: *Вы там сами завернете свой кусок (сыра)?*⁴¹, о котором также пишет автор: “Эллиптическая конструкция прямого дополнения” характерна “для случаев, когда соответствующий участник уже является данным, например, из-за предшествующего упоминания в тексте” [38, с. 26] (т.е. в случае зевгматического опущения в процессе ведения диалога [15, с. 18–25])⁴². Тем не менее, дифференцируя эту конструкцию, как и “обычную переходную конструкцию с выраженным прямым дополнением” (т.е. полную. – М.З.) от “конситуативных АВК”,

⁴⁰ Ср. также опущение именного компонента в атрибутивных синтагмах как один из бесчисленного количества примеров синхронического эллипсиса: “Вдруг они услышали... стук... со стороны *черного хода*... – По-видимому, это ветер, – сказал доктор. – Но ...сходите все-таки на *черный*, удостоверьтесь...” (Пастернак). О критерии синтаксической эллиптичности см. [15, с. 121–142].

⁴¹ Действительным отличием разнообразных глагольных единиц с частицей *-ся*, которые автор объединяет в одну группу “лексических АВГ” от “конситуативных АВГ”, является возможность восстановления номинативного компонента, ср.: *Он застегнулся (на все пуговицы)*. Отметим, что восстановление во многих других случаях может отсутствовать (ср.: *нахмуриться / потратиться*), а в “конситуативных АВГ” оно невозможно органически (номинативный компонент в высказываниях с компрессивными трансформами с *-ся* только предполагается).

⁴² О примерах зевгматических опущений дополнения в диалогических репликах, а также о других опущениях в конструкциях индоевропейских языков, имеющих место в ситуационном контексте, которые “не должны рассматриваться, как это делалось до сих пор, в порождающей грамматике в рамках синтаксиса предложения”, см. [88, с. 421].

автор, характеризует объекты двух последних образований также как именно опущенные [37, с. 77]. Как показывает изложенный материал, подобная идентификация корректной не является⁴³.

Таким образом, исследуемые “антипассивные” примеры составляют одну из разновидностей семантической компрессии⁴⁴. Сокращения такого рода постоянно происходят в процессе любого общения (письменного и, разумеется, устного). Однако это совсем не повод говорить об опущении (= эллипсисе) – фигуре *синтаксического* сокращения в синхронии или диахронии⁴⁵.

Роль семантической компрессии в процессе порождения текстов любой жанровой разновидности – художественных, публицистических, научных – является едва ли не ведущей. Например, при конденсации интертекстуальных отношений, когда для формирования “диалога между

текстами” достаточным оказывается появление цитации, редуцированной до вкрапления в новый текст, допустим, одного адъективного словосочетания⁴⁶.

Одним из следствий обычного компрессивно-го развития и является собственно образование постфикса *-ся* в русском, соответствующего частице *se* в латыни и ее производным в романских языках. Так, для выражения, восходящего к медиуму возвратного залога (рефлексива) используются экономящие модели типа *наклониться* = лат. *se inflexere*, исп. *inclinarse*, которым, например, в баскском соответствует аналитическая модель *mukur(tu) izan egin* (буквально “наклонившись сделавши бывши”): *Elizara sartzeko mukurtu egin izan* (“Для того, чтобы войти в церковь, я склонился”) [89, р. 427]. В других случаях используется модель “посессивное местоимение” + *burua* (“голова”): *Bere burua hil zuen* “Он убился”, буквально “Свою голову (он) убитой имел”, что напоминает английские рефлексивы типа *He hurt himself* “Он поранился” (буквально “Он поранил себя”). То же – при выражении взаимного залога (реципрока): Они часто видятся, исп. *Se ven a menudo*⁴⁷. В латыни такая возможность еще исключена: используются только полные модели *alter alterum* (= друг друга) и *inter se* (= между собой). Ср.: *Accidit, ut alter alterum... videremus* “Случилось, что мы... увидели друг друга”; *Amant inter se* “они любят друг друга” [90, с. 371–372], букв. “...между собой”, ср. баск. *Martak eta Mikelek elkar maite dute* “Марта и Микель любят друг друга” (букв. “...один другого полюбивши имеют”), англ. *Martha and Mikel love each other*.

Заявление о существенности феномена “антипассив” в языках эргативного строя, исходя из доказанного в контенсивной типологии Г.А. Климова положения о невозможности существования в них пассивных образований, как представляется, носит анахронический характер. Ничего принципиально и концептуально нового не привносит и антипассивное осмысление ключевых

⁴³ Отметим также, что, используя “вслед за Kozinsky et alii” символ Øref при интерпретации конситуативной АВК с глаголом “опущенного объекта” *завернуться* (“Вы там сами завернете Øref”) в примечании 4 в [37, с. 79], автор, тем не менее, признает, что “вопрос о том, следует ли трактовать это явление как эллипсис или как (глубокую) нулевую анафору, выходит за рамки предлагаемого обсуждения”, что не может не свидетельствовать о факте неразличения им двух различных проявлений фактора компрессии – конденсации (поглощения, инкорпорации), приводящей к трансформации исходной структуры и структурного опущения (эллипсиса). Термин “(глубокая) нулевая анафора”, знаковое обозначение которой используется при экспликации правильно квалифицированного как эллиптического предложения “Теперь можете скидывать Øref” (← “...скидывать ненужную карту”) [37, с. 84] является не совсем корректным: любой грамматический нуль предполагает не собственно опущение, а *отсутствие выражения* (ср. нулевые связки типа *Он Ø весел* или *Он Ø студент* в современном русском языке). Таким же неудачным представляется отнесение эллиптических предложений к “конструкциям ненасыщенной валентности переходного глагола” [37, с. 79]: эллипсис всегда указывает на опущение каких-либо компонентов исходно структурно полных (“насыщенных”) конструкций. Ср., например, опущение глагольного компонента при сохранении объектного в исп. “*Alguna indicación específica, don Basilio?*” (← “*Quiere dar alguna indicación específica...*”) (Ruiz Zafón) “(Хотите дать / Дадите) какое-нибудь особое пояснение, дон Базилио?”

⁴⁴ К этой же разновидности относятся многие образования с частицей *-ся*, о которой говорилось выше. Одним из примеров, указывающих на оба феномена – семантическое сокращение (редукция, конденсация и пр.) и синтаксический эллипсис (опущение, подразумевание и пр.), является высказывание *В пять по Москве*, восходящее к *В пять часов (эллипсис) по московскому времени* (семантическая компрессия). Ср. также разговорное *Меня набрали* вместо *Набрали мой номер (телефона)*, отличающееся, в свою очередь, от компрессивного *Меня заказали*, требующего более полной и кроме того зависящей от контекста экспликации.

⁴⁵ Подробнее о видах компрессии и о непонимании особенностей эллипсиса *par excellence* см.: [15, с. 25–45; 72–87].

⁴⁶ Ср.: “Подчиняясь страсти к сводничанью, глубоко коренящейся в романской природе, мадмуазель развелась...” (Пастернак), – где очевиден выделенный нами курсивом намек на трагикомедию Ф. Рохаса “Селестина” (XV в.). О приемах семантической компрессии в литературе см.: [15, с. 80–81].

⁴⁷ Тенденция к функционированию реципрокных моделей *se* в современном языке приводит к задействованию новых глагольных единиц. Ср. *medir* “мерить” и *medirse* “сдерживаться” в значении “помериться силами”: *Ambos equipos se midieron hace un mes en Balaidos...* (Marca, 8.10.11, 31) “Обе команды померились (силами) на (стадионе) Балайдос”.

особенностей конструкций аккумулятивных языков, традиционно классифицируемых как каузативные и семантически тождественные им безличные, субъект-каузатор которых вынесен за рамку разнообразных объектно-предикатных структур, также исключая возможность пассивизации.

Образования с маркером *-se* в испанском языке (медиально-каузальные конструкции) и постфиксом *-ся* в русском языке, также классифицируемые как “антипассивные” и “возвратные”, представляют компрессивные (конденсированные) трансформационные структуры, свидетельствующие об интенсификации функции субъектного участия как об одном из проявлений субъективации – обязательной характеристики развития субъектно-объектных отношений, отмечаемой уже для ранних этапов формирования индоевропейского предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
2. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
3. Postal P.M. Antipassive in French // *Linguistic Investigations*. 1977. V. I. № 2.
4. Deguschi A. Antipassive & reflexive passive in Spanish // *Linguística Hispánica*. 1978. V. I.
5. Deguschi A. On reflexive structures (2) // *Linguística Hispánica*. 1982. V. 5.
6. Masullo J.P. On the syntax of constructions with arb SE in Spanish // *ASJU*. 1990. V. 24. № 1.
7. Masullo J.P. Constructions in Spanish // *Romance Languages & Modern Linguistics Theory*. Amsterdam – Philadelphia, 1992.
8. Arce Arenales M.A., Axelrod M., Fox B. Active voice & middle diathesis // *Voice, form & function*. Amsterdam – Philadelphia, 1994.
9. Bogard S. Duplicación y clausura argumental: dos funciones del clítico reflexivo en español // *Español Actual*, 1999. V. 71.
10. Sánchez López C. Diatésis y construcciones pronominales en español // *Entre léxico y gramática: En torno al verbo*. XIV Congreso de la Asociación Alemana de Hispanistas (Ratisbona 2003). La Paz, 2007.
11. Гуревич Д.Л. Залог, возвратность и категория неопределенности в бразильском варианте португальского языка // *Вопросы иберо-романского языкознания*. Сб. статей. Вып. 8. М.: МГУ, 2010. С. 24–30.
12. Зеликов М.В. Медиально-каузативная составляющая иберо-романских моделей с *se* как компонент базовой дихотомии актив-медий // *Материалы XXXX Межд. фил. конф. “Общее языкознание”*. СПбГУ. Фил.фак. 2011.
13. Климов Г.А. Типологические исследования в СССР (20–40 гг.) М., 1981.
14. Зеликов М.В. Эргативные параллели в баскском и иберо-романском предложении // *ВЯ*. 1990. № 4.
15. Зеликов М.В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-романских языков. СПб: Фил. фак. СПбГУ. 2005.
16. Зеликов М.В. К вопросу о выражении субъекта в контексте структурного развития языков номинативно-аккумулятивного строя // *Studia Linguistica*. Вып. X. III. СПб. 2005.
17. Heath G. Antipassivisation: A Functional Typology // *Proceedings of the 2^d. Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1976.
18. Villasante Fr.L. Sintaxis de la oración simple. Oñate, 1980.
19. Coyos J.B. Parcours de type passif et de type antipassif en basque souletin parlé actuel // *BSLP*. T. XCVII. Fasc. 1. 2002.
20. Зеликов М.В. Антропоцентричность оценки как проявление фактора компрессии субъектно-объектных отношений // *Романские языки культуры. История и современность*. Мат. научн. конф. МГУ. Фил. фак. М., 2007.
21. Мельчук И. Еще раз к вопросу об эргативной конструкции // *ВЯ*. 1991. № 4.
22. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. М., 1982.
23. Гухман М.М. Позиция подлежащего в языках различных типов // *Члены предложения в языках различных типов*. Л., 1972.
24. Алисова Т.Б. К вопросу о так называемых “стативных” предикатах // *Всероссийская научная конференция по вопросам теории языка (Москва 11–16.XI. 1974)*. Тезисы. М., 1976.
25. Перельмутер И.А. Семантическое определение залога // *ВЯ*. 1987. № 6.
26. Otero C.P. Facetas de se / Las construcciones con se. Madrid, 2002.
27. Zélikov M. Problemas clave de la estructura del predicado verbal simple en Español moderno // *Entre léxico y gramática: en torno al verbo*. XIV Congreso de la Asociación Alemana de Hispanistas (Ratisbona, 2003). La Paz, 2007.
28. Sánchez López C. Las construcciones son se. Estado de la cuestión // *Las construcciones con se*. Madrid, 2002.
29. Сай С.С. Лексическая семантика глагола и антипассивная деривация // *I Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. Тезисы докладов. ИЛИ РАН. СПб., 2004.

30. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
31. *Николаева Т.М.* Рец. на кн.: *Гухман М.М.* Историческая типология и проблемы диахронических констант. М.: Наука, 1981. 249 с. // ВЯ. 1985. № 1.
32. *Степанов Ю.С.* Следы архаических типов индоевропейского предложения в латинской косвенной речи // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.
33. *Шмалытиг У.Р.* Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М., 1988.
34. *Шмалытиг У.Р.* Эргативность в индоевропейских конструкциях со сказуемым в форме аориста медиа // ВЯ. 1985. № 6.
35. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976.
36. *Арнольд И.В.* Преемственность в филологическом тексте // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007.
37. *Сай С.С.* Прагматически обусловленные возвратные конструкции “опущенного объекта” в русском языке // ВЯ. 2007. № 2.
38. *Сай С.С.* К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис. Автореферат дисс. к.ф.н. СПб., 2008.
39. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
40. *Реферовская Е.А.* Местоименная форма пассива во французском языке // Уч. зап. ЛГУ. Серия филологические науки. 1958. Вып. 35. № 232.
41. *Бородина М.А., Скрелина Л.М.* Категория субъекта и объекта в романских языках // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982.
42. *Воробьев В.В., Потапушкин Н.Н.* Русский дискурс в лингвокультурологическом сопоставлении с испанским // Актуальные проблемы современного языкознания. Сб. статей к 80-летию проф. Н.М. Фирсовой. М.: РУДН, 2009.
43. *Сай С.С.* К вопросу о семантической классификации русских возвратных глаголов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 29 (65). 2008.
44. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. М., 1941.
45. *Гнездилова Г.А.* Выражение субъектно-объектных отношений с помощью суффикса -ся в русском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1.
46. *Зеликов М.В.* Функциональная парадигма местоименной частицы *se* в испанском языке // Герценовские чтения. Иностранные языки. Материалы конференции. СПб: РГПУ, 2004.
47. *Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
48. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 2.
49. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М., 2006.
50. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
51. *Hualde J.L., Ortiz Urbina de J.* A Grammar of Basque. Berlin – New York, 2003.
52. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
53. *Зеликов М.В.* К вопросу об иберороманской эргативности // Материалы XXXVII международной филологической конференции “Общее языкознание” (СПбГУ. 03. 2008). СПб.: СПбГУ. Факультет филологии и искусств. 2008.
54. *Климов Г.А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
55. *Леман В.П.* Из книги “Протоиндоевропейский синтаксис” // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. М., 1988.
56. *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М., 1989.
57. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
58. *Гухман М.М.* Понятийные категории, языковые универсалии и типология // ВЯ. 1985. № 3.
59. *Кибрик А.Е.* Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // ВЯ. 1989. № 1.
60. *De Cuyper G., Melis L.* Towards comprehensive meaning for the no-actantional reflexive dative in Spanish// Verba. 2004. V. 31
61. *García-Page M.* De lo superfluo del dativo superfluo en las locuciones // Lingüística Española Actual. 2007. V. 39. № 2.
62. *Зеликов М.В.* Аллокутив как выражение специфики субъектно-объектных отношений в баскском языке // ВЯ. 2010. № 5.
63. *Вольф Е.М.* Формирование романских литературных языков. Португальский язык. М., 1983.
64. *Вольф Е.М.* История португальского языка. М., 1988.
65. *Monge F.* Las frases pronominales de sentido impersonal en español // Las construcciones con *se*. Madrid, 2002.
66. *Зеликов М.В.* Баскское и иберороманское предложение (параллели субъектно-объектного отношения) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1985. Т. 44. № 4.
67. *Lallot J.* L'ellipse chez Apollonius Dyscole / Histoire, Epistémologie, Langage. V. 5. № 1.
68. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
69. *Малавина Л.А.* У истоков языкознания нового времени: Универсальная грамматика Ф. Санчеса “Минерва” 1587 года. М., 1985.

70. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация “глубинных” и “поверхностных” структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения: Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса. М., 1969.
71. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
72. Fónagy L. J'aime □ je connais □: verbs transitifs à objet latent // *Revue Romane*. 1985. V. 20. № 1.
73. Кацнельсон С.Д. Заметки о падежной теории И.Ф. Филлмора // ВЯ. 1988. № 1.
74. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. Т. 2.
75. Юрченко В.С. Сказуемое (на материале русского языка) // ВЯ. 1977. № 6.
76. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.
77. Rizzi L. Null objects & the theory of pro // *Linguistic Inquiry*. 1986. V. 17.
78. Williams E.S. The Italian null object // *Binding in Romance: essays in honour of J. Mc. A'Nulty*, O. Hawa: Canadian Ling. Association. 1990.
79. Saez L.A. Borrado/forma lógica: comparativas con complemento nulo en español y en euskera // *Anuario del Seminario de Filología vasca “Julio de Urquijo”*. 1988. V. 23. № 3.
80. Landa A. Franco J. Objetos nulos en el castellano de País Vasco: dos estatuos para dos interpretaciones // *Anuario del Seminario de la Filología Vasca “Julio de Urquijo”*. 1992. V. 26. № 3.
81. Michelena L. Notas sobre compuestos verbales vascos // *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares*. 1977. № 33.
82. Oinarrizko Histegia. Euskera-Gaztelania. Castellano-Euskera. Barcelona, 2002.
83. Elardui A. Compensatory linguistic strategies in the gradual death process of minority language: Evidence from some dialects of Basque // *Bulletin Suisse de Linguistique appliquée*. 1999. 69. № 1.
84. Бычков В.В. Эстетика поздней античности. М., 1981.
85. Рабинович В.Л. Урок Августина: жизнь-текст // Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. М., 1992.
86. Леонтьев А.А. Генезис семантической теории: античность и средневековье // ВЯ. 1988. № 1.
87. Fabra P. Diccionari general de la llengua catalana. Barcelona, 1986.
88. Дресслер В. К вопросу о реконструкции индоевропейского синтаксиса // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. 1988.
89. Elhuyar Diccionario Euskera-Gaztelaina / Gaztelaina-Euskera. Usarbil, 1996.
90. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка М., 1948.